

Владимир Бурлачков

Той осенью
на
Пресне

Владимир Бурлачков

Той осенью на Пресне

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174408

Той осенью на Пресне: ИТПК; М.; 2008

ISBN 5-88010-245-9

Аннотация

«Той осенью на Пресне» – роман о судьбах России и русского человека на рубеже XX и XXI веков.

Его герои – люди остроумные, одаренные, способные глубоко чувствовать и любить. Им выпало жить в несправедные времена, но они всегда понимали, что самое дорогое удовольствие в жизни – иметь собственное мнение и убеждения. Они пережили расстрел парламента в 1993 году и отчетливее других ощущали нависшую над страной угрозу.

Своеобразие авторского замысла, его философская глубина, повороты в судьбах героев предопределяют напряженность сюжета и драматизм повествования.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Владимир Бурлачков

Той осенью на Пресне

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Из роддома их разносили по домам. Ему достался ледяной январский вечер с копнами желтого света под низкими фонарями, расставленными вдоль улиц, скрипом снега и цоканьем трамвая на несговорчивых стыках серебристых рельс. И расставаясь с собственным безвременьем, не зная человеческих лиц, чувствовал ясновидением первого взгляда своих самых родных на земле и слышал гул расширяющегося перед ним пространства.

Ничто так не раскрывает мир, как сны, раскаленные жаром детских болезней, напичканные кошмарами и приправленные горечью лекарств. И тогда, в обморочной черной жуте увидел и на всю жизнь запомнил, как уносит его куда-то прочь от всего, что существует на свете, и как стремительно уменьшается внизу голубой шарик в белесых венках и светлых пятнах, и ужас охватывает, обволакивает, становится единственно сущим.

Но было и такое: повозка у края булыжной мостовой, низ-

кая подворотня кирпичного дома, и парень в полушубке и большой шапке. Развязывает веревку и поглядывает лукавым взглядом на щеголеватого молодого господина у подъезда. Тот поднимает глаза, и мгновение они смотрят друг на друга, будто пытаются узнать.

Через много лет, шагал по скверу в насыщенном и тягучем золотом цвете березовой листвы над первым октябрьским снегом, вспомнил о том сне и вдруг с оторопью понял, что вот так, давным-давно, волею случая могли столкнуться здесь в Москве, в пресненском переулке два его будущих деда.

Во второй половине ироничных восьмидесятых, в тот свой золотой век, когда годы еще не складываются из фраз: «Как быстро снег сошел!» и «Как незаметно лето пролетело» Олег стоял у метро «Баррикадная», ждал девушку из соседнего отдела, с которой встречался несколько месяцев, по наивности пытаясь делать из этого тайну для сослуживцев, и думал: «А ведь хочется чего-то эдакого! Неизвестно чего такого!»

– Юноша! Очнитесь! – позвала его Ирина.

Она была в белом пиджаке, расстегнутом на все пуговицы, и узких, коротковатых брюках. В сдвинутых на лоб, зеркальных очках металась отражения то ли машин, то ли дома напротив. На плече висел на тесемке большой пестрый зонтик.

– Пошли быстрее! – скомандовала Ирина. – Вика, навер-

ное, осатанела нас дожидаться. А почему ты не позвонил?

– Ну, вчера вы, кажется, были в меланхолии.

– Чего-то голова побаливала. А у вас в отделе столько шума сегодня было! Даже к нам за каким-то отчетом прибежали.

– Не знаю, меня с утра в Госпатент услали, – ответил Олег.

– Слушай, почему я тебя развлекаю и везде таскаю, а ты даже не можешь билеты в театр купить?

– Хрен их достанешь.

– Захотел бы достал. Только жмотничать не надо.

– Буду развлекать, как могу! И театром, если возможность представится. А пока, уж извините – подручными средствами...

Был час пик, и со стороны Садового кольца шла густая толпа. Олегу приходилось чуть отставать, а Ирина оглядывалась и говорила:

– В общем, Вика нашла этого индуса, который у нас на факультете учился, позвонила ему, и теперь он дает ей сеансы от мигрени.

– Это как? – не понял Олег.

– Она – здесь, а он – там, у себя в Индии. Назначает ей время, она лежит на диване и ждет. Так и лечится. Один раз во время такого сеанса в квартире пробки выбило, и свет погас. Представляешь?

– С ужасом и трудом.

Вика стояла у небольшого двухэтажного домика в одном из переулков за Садовым кольцом. Удивленно посмотрела на

Ирину и сказала:

– Ты даже не одна.

– А это что за красота? – Ирина кивнула на домик.

– Какой-то комсомольский центр, – ответила Вика. – Но у меня билет только на тебя.

– Давай его мне, – велела Ирина. – Я сама разберусь. Перед вахтером она почтительно остановилась, заулыбалась и доверчиво спросила:

– У вас сегодня барды выступают? Правда?

Вахтер, наверное, не любил бардов. Поморщился и отвернулся.

Ирина шепнула Олегу:

– Вике только бы из чего-нибудь проблему устроить. Завидно ей, что ли...

Олег оглядел узенькое, переполненное людьми фойе и тихо сказал:

– У! Сколько дам! Называется: «Ударим, туалетами по кавалерам»!

– Нам, кажется, на второй этаж. – Вика показала в сторону.

Поднялись вслед за ней по лестнице, заглянули в приоткрытую дверь. Спинай к ним перед столом стояла полная женщина и громко говорила:

– Илья Антонович всегда был сторонником того, что нуждается в поддержке. В том впечатлении, которое я получила от общения с ним, была огромная потенция.

– Это – не барды, – прошептала Ирина.

– Здесь партком, наверное, – предположила Вика. – Пошли отсюда.

Они спустились в (фойе. У телефонного аппарата стоял бородатый мужчина в вишневой рубашке навыпуск и докладывал:

– Алло! Я уже тут. Полно народа и этих самых...

В длинном зале были свободны только несколько мест у стены. Пролезали по узкому проходу между рядами, заставляя сидящих вставать, а на эстраде закончила выступать девочка в светлой блузке. Держала в руке гитару и раскланивалась. Один из тех, кто встал с места, пропуская их, кивал на сцену и нарочито громко говорил соседу:

– Ну, так прям трогательно! Со слезами в голосе. Чтобы все моментально разрыдались.

Объявили очередного выступающего, и зал зааплодировал громко и дружно. Вика наклонилась, поманила Ирину и зашептала:

– Это тот самый Артамонов. Я о нем тебе говорила. Будет читать свое – о Высоцком. Он всегда это читает.

Ирина не удержалась и съязвила, понизив голос:

– Раз ее знакомый, то от талантов пробы негде ставить.

– «Страна похоронила совесть в тот жуткий из июльских дней...»

Ему долго аплодировали. Он выходил «на бис» и пел под гитару хрипловатым голосом про берега в тумане. За ним

выступали любители турпоходов и пели про то же самое.

Ведущий объявил, что выступления закончены. Из зала закричали:

– Давайте обсудим! Обсудить надо!

На сцене под неодобрительные крики и хохот появилась бойкая девица с растрепанными волосами и заявила:

– Я – об Артамонове! Я хочу его отметить. В этом жанре, я бы сказала, хулиганствующего рыцаря, он...

Из зала кто-то закричал:

– Ерунда все это! В тоталитарном обществе поэзии никогда не будет. Как и колбасы!

– Так вот, об Артамонове... – попыталась продолжить девица. Ее опять оборвали, и она с обидой выкрикнула: – А я тоже часть общества! И отнюдь не задняя!

– Ну, да! – заорали из зала.

– А профессионализм у него такой, что граничит с профессиональной гордостью! – Девчонка готова была разрыдаться.

Вика обернулась и зашептала:

– Это что-то новенькое. Первый раз такую дуру здесь вижу.

Место девчонки занял лохматый парень. Щелкнул пальцем микрофон, дождался, пока тот перестанет противно гудеть и пробасил:

– А нам всем еще надо подумать, сможем ли мы, благодаря поэзии, ввести себя в этические рамки. С вами поговоришь,

а потом опять размышляй о несовершенстве мира.

Вика повертела головой, оглядывая зал, и предложила:

– Слушайте, пошли в буфет, пока там все места не заняли.

Тут междусобойчик начинается.

Из зала выходило много народу, и у дверей собралась толпа. Ирина и Вика протиснулись сбоку, а Олег шел медленно и оказался в фойе последним. Справа у стены стояла девчонка в светлой блузке, чуть сутулясь и опираясь о пристроенную у ног гитару в черном чехле.

– Вы очень хорошо пели, – зачем-то сказал Олег. – Лучше всех. Мне понравилось.

Девчонка взглянула на него, сощурилась и ничего не ответила. В ее красивом, с вытянутым овалом, спокойном лице что-то было слегка неправильным – то ли подбородок, то ли чуть вытянутый нос. Но все решали большие и светлые, необычайные глаза.

У входа в буфет Ирина и Вика говорили с тем самым Артамоновым. Лезть в разговор с местной знаменитостью не захотелось. Пришлось ждать у лестницы. Но компания разболталась и расходиться не хотела.

Подошла девчонка с гитарой и уверенно, даже недовольно спросила:

– Ты идешь или здесь остаешься? Он пожал плечами и ответил:

– Я не один...

– Тогда – пока. – Она быстро пошла к выходу, а он огля-

нулся и посмотрел на Ирину. Вика что-то говорила Артамонову, а Ирина стояла рядом и поправляла сдвинутые на лоб черные очки.

Олег отвернулся к стене, стал читать афишу и подумал: «В какую сторону она пойдет? К Садовому или к Бульварному?» Ирина стояла совсем рядом, и уйти было невозможно. Тем более, не угадать, в какую сторону пошла девчонка с гитарой. А если все-таки к Садовому? Можно успеть добежать и вернуться сюда. Если пустят. А если не пустят, то не он будет виноват! И что же? Так вот взять и уйти?

Он добежал почти до Садового. Ее нигде не было. Подумал: «Значит, пошла в другую сторону! И чего не пошел сразу! И чего ждал!»

Она стояла на другой стороне улицы Герцена и смотрела на него. Олег пропустил троллейбус, подошел и спросил:

– Тебе куда? К метро?

– Нет, я – пешком. – Она смотрела на него так, будто опасалась чего-то. – Я здесь, на Пресне живу.

– А где?

– На Заморенова. У «Башмачка». А что?

– А я – на Стрельбищенском.

– Это где?

– Как где? – удивился он. – За Красногвардейским.

– А, ближе к Шелепихе.

– Переехала сюда откуда-нибудь или всегда здесь жила?

– Всегда.

– Ну, почти родственники. Хотя бы по пространству. Давай гитару понесу.

– Она – легкая.

– Тем более. А родственники где? На Ваганьковском? Наших – Залесовых – там тоже полно.

Они остановились у перехода на Садовом кольце. Олег повернулся к девушке и спросил:

– А знаешь, откуда название «Шелепиха»?

– Потому что моему предку Петр Первый велел шлюпки делать.

– Да-а? – изумился Олег. – Вот те на! Так вы, из шлюпочных магнатов! Вот, значит, по чьей милости нас сюда из деревни пригнали. Мерси.

– А вон там, впереди, где сейчас метро и зоопарк, было имение.

– Я знаю, – отвечал Олег. – Пушкин им написал: «...кто вас певал в те дни, как пресненское поле еще забор не ограждал!»

– Да, они, наверное, обиделись. А может – и нет. Письма его Полина потом сожгла.

– И правильно сделала, – сказал Олег. – Свинский обычай – чужие письма читать.

– Не хочешь – не читай.

– Правда, я раз заглянул. Ну, тому же Верстовскому... Ведь пошутил с приятелем человек. Думал, никто больше не узнает. А они их – в собрание сочинений всем напоказ.

– Вот видишь! Осуждаешь, а сам туда же. А знаешь дом, в котором Бунин с Верой Муромцевой познакомился?

– Не-а.

– На пересечении «Алексея Толстого» с Гранатным. Его «кораблем» называют.

– А! Нескладный такой! – вспомнил Олег.

– В нем Борис Зайцев жил.

– А это кто?

– Писатель. Но его после революции не переиздавали.

– Слушай, я там, на концерте не расслышал, как тебя зовут, – сказал он.

– Аня.

Они спустились вниз по Баррикадной и зашагали вдоль ограды зоопарка. Девушка оглянулась, показала рукой на серую пятиэтажку почти напротив стадиона «Красная Пресня»:

– Вон там домик моей бабушки стоял. Двухэтажный, с мезонином. В мезонине бабушкина тетя жила.

– Сломали?

– Давно. Даже мама плохо этот дом помнила. В революцию он чудом каким-то уцелел. Бабушка рассказывала, тут все кругом горело. А она училась в гимназии, шла вечером домой, и совсем рядом с домом ее обогнали какие-то странные люди. Прошли вперед, а потом один из них оглянулся, и бабушке показалось, что он в нее целится. Она отшатнулась к забору, и тут раздался выстрел. Но калитка была открыта,

и она успела в нее вбежать. А дома, когда снимала пальто, заметила дырку у воротничка. Представляешь, пуля над самым плечом прошла навылет. Блузку разорвала. Но не задела. Даже кровинки не было.

– А кто эти люди были?

– Не знаю.

У перекрестка ломали старые дома. Экскаватор бил ковшом о стену. Летела густая серая пыль. Ее поливали сразу две пожарные машины.

Они шли к Трехгорному валу, а позади все слышались глухие, тяжелые удары о старые кирпичные стены. Троллейбус притормозил у остановки и распахнул двери, а над его рогами закружился майский жук.

– Ой, сейчас на провода сядет! – вскрикнула Аня. – Киш! И откуда тут взялся!

Троллейбус тронулся. Жук взмыл вверх и понесся вдоль улицы.

– Правда, никогда их здесь не видел, – удивился Олег.

– А тебе выступления понравились? – спросила Аня.

– Ну, в общем, да.

– А мне – нет.

– Ну, почему же?

– Так, чего-то... Тебя кто-нибудь туда пригласил?

– Друг с собой взял.

– Ладно, давай гитару, – сказала Аня. – И знаешь что! Пожалуйста, не проси у меня телефон.

– Не попрошу, – буркнул он. – Не очень и надо. – И тут же спросил: – А почему?

– Потому что очень недовольна я сегодня собой. Вот тебя и позвала.

– Тогда что ж, прощай! – ответил он, чувствуя обиду. – Раз так, то так. Тем более что я твое пение и не слышал.

– Я знаю. Ты позже пришел с двумя девушками. Ну, пока!

С утра предстояло разобраться с делами: выяснить отношения с Ириной и уговорить Борьку Мешкова из второй лаборатории не писать плохой отзыв на сводный отчет. Олег хотел начать с Борьки, но не успел. Ирина позвонила и раздраженно спросила:

– Ну и что? И куда ты испарился?

– А куда вы делись? Как спрятались..., – угрюмо ответил Олег. – Ждал, что в следующую секунду попадет под Иринин монолог, как под брандспойт, но ошибся.

– Мы в буфет зашли. Сидели, тебя ждали. Немного потрепались, а тут Вике плохо стало. И я ее поволокла на троллейбусе до самого дома. Она мне сейчас позвонила и говорит, что это ее индус ухайдакал. Ну, я тебе вчера рассказывала, – он ее оттуда, из Индии лечил. Из-за этого лечения у Вики случился жуткий запор.

– А что лечили? – спросил Олег.

– Я тебе говорила – мигрень. Ну, пока! Ко мне пришли!

Он положил трубку и подумал, что все сошло на удивле-

ние гладко. Странно даже, как просто получилось. А могла бы приключиться жуткая тягомотина с недельным выяснением отношений. Если бы не индус! Можно было приступить ко второй разборке.

Борька сидел в большой комнате вместе с двумя сотрудниками своей лаборатории. Окна выходили на южную сторону. Жарило солнце, и в комнате стояла духота. Борькины сотрудницы были одеты в легкие кофточки, а сам он восседал за столом, заваленными папками и книгами, в темном двубортном пиджаке.

Поговорить вышли в коридор. Борька скинул пиджак с плеч и прислонился затылком к стене:

– Уф! Ну и жарища!

– А чего ты так разоделся? – изумился Олег.

– На велосипеде вчера катался, – вздохнул Борька. – И упал. Вот, пришлось утром пиджак одевать. А он оказался без пуговиц. Хи-и! Теперь еще надо запахиваться.

– А какого хрена ты тогда пишешь гадости про наш отчет?

– Не твой же, а Веселова.

– Он от двух лабораторий, – разозлился Олег.

– Ну, вы там и дали! Хи-и! Ну, и винегрет. Бета у них – в знаменателе! Хи-и!

– Правда? – Олег даже смутился. – Я не заметил.

– Не, ну, бета в знаменателе! Хи-и!

Надо было ждать, пока Борька успокоится, или каким-нибудь разговором привести его в чувства. Олег сказал:

– А я тебя вчера весь день искал. Твои из лаборатории темнили, не выдавали, где ты.

– Ведь сразу два юбилея было. У Евгении Степановны из бухгалтерии и у Горбунского из вычислительного центра. Так что я вчера тосты произносил и за дебет пятидесятого счета, и за гетероскедастичность случайного члена.

– Откуда ты про дебеты знаешь? – удивился Олег.

– Ну, видишь ли, быть физиком и не знать, хи-и, про... про... дебет!

По коридору проходила дама предпенсионного возраста. Олег знал ее только в лицо, но всегда почтительно здоровался.

– Ой, Боря! – воскликнула дама. – Спасибо вам за книгу. Купила и сразу прочитала.

– Ну и славно! – ответил Мешков.

– Очень мне понравилась. И знаете, в книге как раз все то, о чем я сама думала. Представляете: я думаю, а в книгах уже пишут!

– А о чем книга? – спросил Олег.

– О вкусной и здоровой пище, – Борька захихикал.

– Он опять шутит. – Дама сохраняла серьезный вид. – Книга – о нелинейности.

– И они с Веселовым тоже о нелинейности. – Борька довольно кивнул на Олега.

– Правда? – Дама посмотрела на них с интересом. – Надо обязательно прочитать.

– Прямо скажу – чтение захватывающее! – выкрикнул Борька.

Дама заторопилась и ушла. Борька успокоился и стал серьезнее:

– Ну, ты тоже... За Веселовым отчеты не читаешь. Я его с института помню. Ему бы только по комсомольским делам бегать. Пар из порток... Ну, как говорилось у нас в Белой гвардии: «Пессимизму темных мыслей противопоставим оптимизм светлых идей!».

Олег понял, что договориться с Борькой не удастся и расстроился. С отчетом наверняка начнутся большие неприятности. Но злился он не столько на Борьку, сколько на Веселова.

– Есть большое и значимое дело! – негромко объявил Борька. – Восьмого числа будет очень интересная встреча. Соберется много разного народа.

– Мы с тобой в тот раз ходили. – Олег скептически поморщился.

– Ну да, неудачно, – согласился Борька. – Но в этот раз – точно! Народу будет – море.

– Ты в тот раз чуть ли не митинг обещал.

– Не все сразу. В тот раз чего-то не вышло.

– Ходи с тобой на баррикады. – Олег махнул рукой. – У вас – то порох отсырел, то патронов не завезли.

– Нет, а если без дураков, что ты считаешь? – Борька стал серьезным. Но серьезность у него была какой-то размы-

то-глуповатой. – Считаешь – просто так сидеть? Ой, я знаю, что ты сейчас скажешь про всякую сволочь и так далее. А где других найти? Ты других знаешь?

Продолжать этот разговор Олегу не захотелось. В лабораторию он вернулся в унылом настроении, застал Веселова и с порога объявил, что отчет зависает.

– Специально ему на отзыв подсунули, – ответил Веселов.

Галина Васильевна встрепенулась, поправила костюм с тремя значками и медалью на широком лацкане и заявила:

– Знаете что! Тот отчет – ладно! А теперь надо серьезно бороться за качество.

– Но вообще-то этому пройдохе Борьке хорошо бы сделать козью морду, – мечтательно произнес Веселов. – А то уж больно они умны-с. Только они в турбулентности и петрят. Надо бы организовать ему звонок из комитета по госпремиям.

– Можно, конечно, – согласился Олег. – Но это уже – тяжелая артиллерия. – Лучше что-нибудь попроще.

– А что? – спросил Веселов.

Олег набрал номер Борькиного телефона:

– Алло! Изобретатель дирижаблей! Самое главное тебе забыл сказать. Мы тебя включили в хозрасчетную тему. Мы – не ты. Мы таланты всегда поддерживаем и привечаем. Только ты разберись с первым отделом. Они чего-то про тебя говорили. Работа сам понимаешь, для кого. А они говорят, ты за границей был.

– Когда? – вскрикнул Борька.

– То ли сам, то ли с родителями. В какой-то Горгиипии.

– Идиоты! – заорал Борька. – Во, идиоты! Ну, я ща им скажу!

– Разбирайся там побыстрее, – перебил его Олег. – Мне надо документы отсылать. Пока!

Галина Васильевна побренчала ложечкой в чашке с чаем:

– Надо же! Побывать в Горгиипии! Эта страна народной демократии?

– Еще какой! – ответил Олег.

– Подойду-ка я к первому отделу, – сказал Веселов. – Посмотрим, что там.

Он вернулся минут через пять и разочарованно сообщил:

– Вот, пройдоха! Пошел в библиотеку и листает какую-то толстенную книгу. Энциклопедию, наверное.

– Действительно, пройдоха, – согласился Олег. – Эх, что-то мы тут недодумали.

– А может с директором насчет отчета поговорить? – спросил Веселов. – Дал бы он его кому-нибудь другому на отзыв. Я этот отчет третьей главой в диссертацию включил.

– Надо просто подработать, ошибки исправить, – ответил Олег.

– Это – целое дело, – недовольно говорил Веселов. – Меня и так с защитой два раза футболили. Я уже с секретарем совета договорился. Сколько мне можно в неостепененных сидеть?

Веселов был большим занудой и лентяем. Олег в общем-то к этому привык. Но иногда начинал злиться.

На субботний вечер Ирина пригласила Олега в гости. Из Тюмени на несколько дней приехал ее сводный брат. Не то, чтобы она хотела их познакомить; просто волей-неволей брата надо было звать к себе, и Ирина решила собрать сразу всех. Брат был намного старше Ирины. Вырос в Москве, работал в министерстве и с повышением был отправлен в Сибирь. Знакомиться с Ирининым родственником Олегу не очень-то хотелось. Но после своего недавнего исчезновения отказаться было невозможно.

Ирина жила вместе с матерью недалеко от метро «Профсоюзная» в большой двухкомнатной квартире. Под окном ходили трамваи. Днем их не было слышно, но в полночь они начинали носиться с грохотом и визгом, до звона оконных стёкол и подвесок на люстре. Часов в шесть утра этот грохот повторялся. Олегу приходилось выслушивать его всякий раз, когда Иринина мамаша уезжала в командировки.

В киоске у метро Олег обзавелся цветами. Сначала посчитал, что вполне достаточно обойтись одним букетом, но решил не жадничать и купил второй – для Ирининой мамашы Нелли Алексеевны.

– А, это ты уже! – сказала Ирина, открыв дверь, хотя он опоздал минут на двадцать.

В ее квартире, как всегда, можно было ноги переломать

о ящики, сломанные стулья и завернутые трубочками половики. Ради брата кое-что убрали, и не так пахло пылью, как обычно.

– Нелли Алексеевна! – позвал Олег. – Вам цветы!

– Ой, какая роскошь и прелесть! – проговорила до сих пор несостоявшаяся теща.

«Все-таки она у Ирины – ничего, – подумал Олег. – Кажется, пока не злится. Во всяком случае собак не спускает. Хотя, еще не вечер».

– Проходите, и в комнате посидите, – велела Нелли Алексеевна. – У нас еще не все готово.

Большая комната была поклеена блеклыми алыми обоями. На стенах висели рисунки, прищипленные булавками, медный эстамп, из тех, что припаривают юбилярам, и вывеска на гвоздике «Посторонним вход воспрещен». Гостей предполагалось потчевать за журнальным столиком. На нем стояли тарелки, рюмки и ваза с яблоками.

– Ириша, я начинаю оладьи печь, – сообщила из кухни Нелли Алексеевна. – Слышишь меня?

В дверь позвонили.

– Ой, вы, Сергей! – говорила в прихожей Нелли Алексеевна. – Какой вы солидный и серьезный! Рада вас видеть. Все хорошо у вас?

В комнату вошел полный человек лет сорока в больших очках, расстегнул пуговицы на пиджаке, протянул Олегу руку и важно представился:

– Сергей Павлович!

– Как ваша мама? – спросила его Нелли Алексеевна.

– Ничего. Хотя, по всякому бывает.

– Я слышал, вы с Ириной работаете? – Сергей Павлович обращался к Олегу.

– Да-да, поговорите. А то – у нас сегодня олады в программе, – сказала Нелли Алексеевна и ушла.

– Вместе работаем, – ответил Олег.

– И как? – важно спросил Сергей Павлович.

Олег не понял, что от него хотят услышать, и промолчал.

Вошла Ирина в цветастом, расклешенном платье с короткими рукавами. Она казалась в нем большой и нескладной. Брат чмокнул ее в щеку:

– Похорошела – невозможно! А мы с твоим товарищем беседуем, как у них там на работе.

– У них там все в порядке. – Ирина поправила брошь на платье и наклонилась над журнальным столиком.

– Тогда больше не спрашиваю. – Сергей Павлович уселся в кресло.

Из кухни несся запах горелого. Ирина выглянула в коридор и крикнула:

– Мам! Чего там у тебя?

Сергей Павлович посмотрел на Олега и спросил:

– Перспективы на работе есть? Кандидатскую готовите?

– Он – год, как защитился, – ответила за него Ирина.

– А я – в этом! – важно говорил Сергей Павлович. – Мне

на защите восемнадцать вопросов задали. Столько никому не задавали. Тема очень большой интерес вызвала: «Организация соревнования в аппарате районных Советов». Ведь сколько там всяких проблем! И теоретические основы, и разработка методологии исследования, и практика реализации. А потом еще полтора часа спорили о моей трактовке стимулирования труда.

– И каких наук ты теперь кандидат? – спросила Ирина.

– Исторических.

Нелли Алексеевна принесла большую тарелку с оладьями, – сверху – более-менее белесые, а пониже – подгоревшие. Олег открыл шампанское, а Сергей Павлович сказал, что будет пить водку.

– Ну, кто-нибудь скажет? – спросила Ирина. – Или молча пить будем?

– Знаете, давайте вот за что? Вернее – за кого? За нашу Ирину! – Сергей Павлович поднял наполненную до краев большую стопку. – Чтобы Ирина всегда была внимательной, привлекательной и сногшибательной!

При чем тут «внимательная», никто не понял.

– Пошла сегодня в магазин, – рассказывала Нелли Алексеевна, раскладывая гостям оладьи. – В «Вологодском масле» только один сорт сыра и любительская колбаса по два двадцать. А на Черемушкинском рынке цены на мясо – жуть. Восемь рублей! Ну, кто такое мясо может покупать!

– С ценами в последнее время – неладно, – объявил Сер-

гей Павлович. — Мы этот вопрос недавно в обкоме обсуждали. Я считаю, надо с этих магазинщиков строго спрашивать.

— Варенье у вас вкусное, — сказал Олег.

— Покупное, — ответила Ирина. — Мама из командировки привезла.

— Нас там угощали, — заметила Нелли Алексеевна.

— Готовим пленум обкома, — продолжал рассказывать Сергей Павлович. — Очень интересно получается. Я свое выступление подрабатываю. Уже договорился, чтобы в повестку включили. От этого сейчас многое зависит. Меня депутатом облсовета будут выдвигать. Придется много выступать, объяснять рабочим. Иногда люди зададут вопрос, даже удивляешься! Как будто телевизор не смотрят и газет не читают.

Сергей Павлович, видимо, был абсолютно уверен в том, что все, о чем он думает, очень интересно окружающим.

Нелли Алексеевна вообще-то всегда была склонна поругать советские порядки. Но в присутствии партработника предпочла проявить лояльность:

— Я на днях из Ленинграда приехала. Такие опрятные поезда сейчас ходят! Такая везде чистота! И на вокзалах все прибрано.

— Последнее время только самолетами летаю. — Сергей Павлович откинулся на спинку кресла и поправил галстук. — Я через депутатский зал хожу.

Ирина тронула Олега под столом ногой, насмешливо посмотрела и отвернулась.

– В июле Ирочка в Болгарию поедет, – сообщила Нелли Алексеевна.

– Собираюсь, – кивнула Ирина. – Может, получится. Вот, платье себе новое купила.

– Хорошее, – соврал Олег.

– В Болгарии мне очень понравилось, – говорила Нелли Алексеевна. – Я там на международной встрече журналистов была. Нам всем вот такие эстампы подарили. – Она показала на стену.

Про Ирину поездку Олег ничего не знал. Но эта новость была очень кстати. Сама собой отпадала необходимость придумывать, как поехать в отпуск вместе.

Нелли Алексеевна повела гостя курить на кухню, и Олег, кивнув в их сторону, тихо спросил:

– А что? Он все это серьезно?

– Откуда я знаю! – Ирина скривила гримасу и пожала плечами. – Я его раз в пять лет вижу. А чего ты так на него? Я к нему обратилась, чтобы с поездкой помог, он мне в две недели через приятелей все устроил... А тебе мое платье, правда, нравится?

– Если честно, не очень.

– Если бы ты был дипломатично настроенным молодым человеком, ты бы так не сказал.

Ирина подошла к шкафу, достала соломенную шляпку с широкими полями и спросила:

– И как?

– К такой шляпке обязательно надо таксу на длинном поводке.

Нелли Алексеевна вошла в комнату, продолжая начатый на кухне разговор:

– Но Сергей! Я там, в ваших краях бывала. И все-таки здесь другая жизнь!

– У нас тоже всего полно! – ответил Сергей Павлович. – Выставок всяких, концертов. Даже клуб изящной словесности недавно открыли. Руководителем отставного военного назначили. Ха-а! Ну, так... Чтобы этим любителям словесности жизнь медом не казалась.

Ириша ушла готовить чай. Сергей Павлович налил себе стопку водки, выпил и сказал:

– Время нельзя терять ни в коем случае. Это я ещё в институте понял. До третьего курса кое-как дотянул и думаю: нет, хватит! Взялся лекции по международному положению в обществе «Знание» читать, на собраниях выступал. И дело пошло. А потом вижу: в Москве делать нечего. Уж очень густо тут все замешано. Этот – сын такого-то, тот – племянник. Нет, думаю, надо на широком месте прорываться. Про меня, я знаю, говорят: способный, инициативный. А с каким трудом все это дается? Ого, как все дается. И людей вокруг себя надо собирать отличных, дифференцированных. Но с этой диссертацией очень устал. Надо поехать куда-нибудь и морально отдохнуть. Н-да, время сейчас очень перспективное.

Ирина принесла поднос с чашками, спросила:

– Кто будет мой торт?

– Я насчет сладкого не любитель, – ответил Сергей Павлович. – Но попробую. Мы тут с твоим товарищем – про времена.

Брат собрался уходить. Кивнул Олегу на прощание, но руку не протянул. Прежде чем выйти за ним в прихожую, Ирина шепнула:

– Обожди. Вроде бы за матерью знакомые заедут и к себе на дачу повезут.

Дверь в лабораторию приоткрылась. Показалась лохматая голова Борьки Мешкова.

– А! Сидите тут! Прохиндеи! – заорал Борька.

– О тебе только что вспоминали. – Олег отложил в сторону папку с бумагами. – Я сразу сказал: «Гений и злодейство несовместимы».

– Хи-и! А я такой разгон в первом отделе устроил. Как стукну им по столу, как закричу, что за границей сроду не был. Тоже мне, нашли горгипийца! Они перепугались, обещали про эту Горгиппию у начальства узнать. Говорят, может там прогрессивный какой режим, может новое общество строят. В лагерях после четвертого курса, нам лейтенант говорил: «Там, где есть общество, там не должно быть продуктов!» Да-а, когда и пошутить с народом, как не при жизни.

– Это к чему, про продукты? – не понял Олег.

– Чтобы печенье в тумбочках не оставляли. Хи-и! Я в пер-

вом отделе заявление оставил, что ни в какой Горгиипии не был. И переданная первому отделу товарищем Залесовым информация не соответствует действительности. Хи-и.

– Ага, нашел дураков! – ответил Олег. – Как будто мы не знаем, куда ты сразу побежал. Но историю, братец, надо знать.

– Как-то я этим не очень увлекался, – признался Борька. – А это что у вас такое? – Он показал на плакат, пришпиленный кнопками к дверце шкафа – речные берега и большой белый пароход.

Галина Васильевна оглянулась и объяснила:

– Я на этом пароходе по Волге плавала. Красота – необыкновенная. А вы, Борис, по каким-то заграницам...

– Да-а, что делать! Приходится. – Борька рассматривал плакат. – Я бы тоже на таком поплыл. Но мне кажется, что он утонет... И всех прошу в двенадцать ноль-ноль в конференц-зал прослушать мое научное сообщение и поддержать в моем лице всю прогрессивную науку.

Олег посмотрел на Борьку и покачал головой:

– А я-то думаю, по какому поводу ты в новый костюмчик вырядился?

– В этом костюме я и диссертацию защищал, и женился. Первое прошло удачно, второе – не очень. И пуговицы на брюхе застегиваться перестали. Жена говорила, что костюмчик пора выбрасывать. А я сказал: пусть остается на крайний случай. А она: в нем и в крайнем случае никуда не пойдешь.

Не, говорю, в крайнем случае донесут!

Борька ушел. Галина Васильевна доставала что-то из стола и говорила:

– Несмотря на все, Борис – интеллигентный человек. Вдумчивый и с фантазиями.

– Как своих хвалить, так вас нет, – отозвался Веселов.

– Почему же! Я и вас ценю.

– У него, видите ли, фантазии, а у нас их нет.

– Придумайте и вы что-нибудь такое, чтобы все ахнули, – посоветовала Галина Васильевна.

– Прихожу я как-то в общежитие, – рассказывал Веселов, – смотрю, стоит в коридоре женщина и плачет. Мне говорят: мать Борьки Мешкова со второго курса. Спрашиваю: что с ним стряслось? Говорят: жив-здоров, вот-вот должен с лекций прибежать. Отказывается этот олух написать письмо какому-то приятелю про свои донжуанские похождения, а отправил на адрес родной мамы. Она плакала и говорила, что ее сын такого написать не мог.

Дождь пошел на убыль, и его барабанная дробь сменилась скулением. Но еще грохотало, и выходить из метро никто не торопился.

После ливня горьковато пахло молодой тополиной листвой. Было тепло, и вдали, над крышами висела дымка. С деревьев капало. Под этим капельным обстрелом, прижимая к шее воротник рубашки, Олег пошел вверх по улице Заморье-

нова к Трехгорному валу.

На сучке над тротуаром сидела здоровенная серая ворона и явно высматривала подходящего прохожего, желательно в широкополой шляпе. Кроме Олега, никого не был. А он не стал торопиться. Замедлил шаг, огляделся и полез в обход по мокрой траве нестриженого газона. Вернулся на тротуар уже за деревом и посмотрел на ворону:

– Нашла дурака!

Ворона не смогла сдержать огорчения, и белесо-синяя, размазистая клякса шлепнулась на асфальт.

У «Башмачка» Олег остановился и посмотрел на дом напротив. И где она тут живет? – рассуждал он. Не по подъездам же ходить ее искать. Было бы лет восемнадцать, может быть, просто взял бы да крикнул. А сейчас что? Проторчать здесь пару вечеров? Но если она наврала, что живет в этом доме?

Дверь в купе была открыта. Борька стоял у окна в коридоре и говорил проводнице:

– Все будут чай пить. Я может и два стакана. Но на всякий случай начну с одного. Вы туалет на ночь запираете?

– Пейте три. Тогда не запру. – Проводница заглянула в купе, посмотрела на Олега и спросила:

– А вы?

– И он будет, – ответил за него Борька.

Грузный мужчина напротив Олега приоткрыл глаза, по-

мотал головой и проговорил будто самому себе:

– Без чая обойдусь.

Проводница ушла, а Борька кивнул в ее сторону и сказал парню из соседнего купе:

– Видал! Ух, глазищи какие! Туманные – жуть!

– Как тюремное стекло! – блеснул эрудицией его собеседник.

В вагоне включили радио. Громко заиграла музыка.

– Во, теперь «Последние известия» послушаем, – говорил Борька. – Нет ли где какого переполоха вроде революции или еще чего.

– Это где? – удивился парень из соседнего купе.

– Может и не революция, – успокоил его Борька, – а так – новое трудовое достижение.

В коридоре кто-то спросил:

– А где у них вагон-ресторан?

– Вроде бы вон оттуда, с той стороны жуют, – ответил парень.

Борька вернулся в купе, сел рядом с Олегом, помолчал и громко произнес:

– Став коллективным делом, концепция становится мощным оружием.

Грузный мужчина открыл глаза и прокашлялся, а с верхней полки выглянула полнолицая, светловолосая девушка – его дочка. Борька посмотрел на нее и кивнул:

– Гениальных идей на порядок меньше, чем гениев. А вы

как думаете?

Девушка посмотрела вниз на отца и ничего не ответила.

– Я тебе, по-моему, уже говорил, – Борька обращался к Олегу. – Наши тезисы им понравились. Должны напечатать в сборнике. Если будет большой ажиотаж насчет публикации, мы к ним в Академгородок подскочим. Но боюсь, на этот раз ажиотажа не получится. А ты мою статейку прочитал?

– Это про что? – спросил Олег. – Про реформы?

– Там и про власть, и про общество.

– Прочитал, расстроился даже, – ответил Олег.

– Почему? – серьезно спросил Борька.

– Подумал: эх, Макиавелли не дожил! Вот бы старик порадовался. Умри – лучше не напишешь!

– А статью взяли в журнал, – злорадно заметил Борька. – Вот, тем не менее. Но я там кое-что подработал. Вернемся, покажу новый вариант. Я написал, что мы, нынешние, то есть уже бывшие, комсомолыцы – не следствие революции, а результат преодоления ее пороков.

– Это к чему? – удивился Олег.

– Как к чему? К общему содержанию. Ты не читал, что ли?

Из коридора донеслось треньканье стаканов на подносе. Проводница заглянула в купе, спросила:

– Что? Заждались?

Борька переставил стаканы на столик:

– Ух, крепкий какой! Я думал, у вас – морковный.

– Мне тоже оставьте, – попросила девушка с верхней пол-

ки.

Грузный мужчина проснулся, потянул к себе один из стаканов и произнес:

– Угу!

– О! Я же тебя угостить обещал, – вспомнил Борька. – Благороднейший напиток! Тончайший букет яблок и смородины. Собственный старинный рецепт! Вот только чай надо куда-нибудь вылить.

– А тебе не хватит? – тихо спросил Олег.

– Ну, не надо так говорить. Я из своего чай вылью, а тебе дам стаканчик. Какого хрена мы столько чаю заказали!

Борька вернулся с пустым стаканом. Повозился в сумке и вытащил завернутую в газету бутылку. Налил в стаканы темную жидкость и спросил грузного мужчину:

– Попробуешь? Собственного изготовления! Мужчина посмотрел сначала себе под ноги, потом на Борьку, покусал и ответил:

– Не-а.

– Тогда даме и не предлагаем! – Борька поднял свой стакан, отхлебнул и причмокнул.

Олег сделал большой глоток, скривил лицо от жуткой кислоты, зажмурился и спросил:

– Из чего ты это сделал?

– Целая технология. Важно ягоды хорошо просушить.

– А сахар?

– Вот еще... Только вредители в настоящее вино сахар

кладут.

– Тоже буду, – сказал грузный мужчина и подставил свой стакан.

– Везу друзей угощать, – говорил Борька. – В прошлом году угощал. Еще просили. Два раза звонили, напоминали.

Мужчина выпил и к большому удивлению Олега даже не поморщился, только крякнул:

– Эх, хорошо! Жаль не больно забористая.

– А вы куда едете? – Борька спросил девушку.

– На дачу! В деревню. До Знаменска поедем.

– Ух, ты! У меня в Знаменске знакомая жила. Красивая, помню была.

– А сейчас? – спросила девушка.

– Не знаю даже. Давно было. И ничего особенно. Так, почтовая связь.

– В гости, может, зайти успеете. – Девушка весело взглянула на Борьку.

– Уж какие нынче гости. Не те проблемы стали. А в деревне, небось, хорошо!

– Ничего, – согласилась девушка.

– Я тоже хочу в деревню, – заявил Борька. – Только в настоящую. Чтобы на улице трава росла, куры бегали, а жители окали. И чтобы все было, как у Ивана Петровича.

– У какого? – не поняла девушка.

– У Белкина.

– А чего у него?

– Здорово все было организовано. Передовое хозяйство! Ночью Олег проснулся от тишины. Поезд стоял. За окном были слышны голоса и шорох шагов по придорожной щебенке. Вагон заскрипел и осторожно тронулся. И тут сверху со свирепым грохотом что-то обрушилось. В мелькании отсвета станционных фонарей с пола поднялся Борька. Постоял, глядя в окошко и почесывая спину, поднял матрац и полез на полку.

– Ты что? Как ты? – зашептал Олег.

– Нормально все, – буркнул Борька.

– Ты, правда, ничего?

– Слушай, дай поспать спокойно, – раздраженно зашептал Борька.

– Хочешь, внизу ложись, – предложил Олег.

– Да отстань ты!

Утром Олег открыл глаза и увидел, что Борька сидит на нижней полке. Соседей не было.

– А где народ? – спросил Олег. – Сошли?

– Давно. Еще ночью.

– А ты как?

– Никак. Чего мне?

– А летел почему?

– Ну, будешь теперь. Летел и летел. Заглянула проводница:

– Сейчас ваша... Билетики получите.

Борька взял билеты и сунул в нагрудный карман.

– Мой не потеряйте, пожалуйста, – сказал Олег.

– Не потеряем.

– Постарайтесь, товарищ космонавт.

Из вагона они спрыгнули на низкую платформу. Олег остановился и оглядел небольшую площадь с торговыми палатками и рыночными рядами.

– Вот, увидишь сейчас, что такое настоящая секретность, – пообещал Борька. – Пошли.

– Слушай, я так и не понял, как это тебя угораздило сегодня?

– Как, как... – передразнил Борька. – Ну, перемаргивались мы с этой девахой, перемаргивались... А когда на станции поезд остановился, она видит, что я не сплю, и руку протянула.

– И чего?

– Как чего? Матрац-то поехал, когда я к ней потянулся. Слизко там оказалось. Хи-и! – Они шли вдоль платформы, и Борька сказал: – О! Чем-то у них тут вкусным кормят.

Олег почувствовал, что хочет есть. Шагнул и глубоко вздохнул. В нос ударил нестерпимый запах канализации.

На площади Борька остановился у одного из «газиков» с брезентовым верхом и обратился к шоферу:

– Мы к Макарову. Вот командировочное удостоверение.

– А вроде никто не должен был приехать, – удивился шофер.

– Это как? Я с вашими по телефону разговаривал.

– Не передавали мне.

– А чего ты тут стоишь? – спросил Борька.

– Ладно, садитесь, – согласился шофер.

«Газик» со всего ходу врезался в большую лужу в начале улицы, пронесся мимо одноэтажных домишек и церкви и выскочил к пристани. Остановился он чуть подальше от нее, возле отдельного причала.

Над июльским привольем светило солнце. На озере был полный штиль. Вода не морщилась и не плескалась на песок. Сквозь белесую дымку просматривались дальние берега. Правее на косогоре стояли домишки небольшой деревни.

– А теперь куда? – спросил Олег.

– На катере да с ветерком, – отозвался Борька. – Говорил же я тебе про рыбалку.

По скрипучим доскам причала они подошли к выкрашенному черной краской, небольшому катеру. Борька закричал:

– Здравствуйте товарищи краснофлотцы!

Из рубки вышел высокий худощавый мужчина в синей рубашке, подозрительно оглядел их и попросил:

– Командировочные удостоверения, будьте любезны. На бумаги мужчина взглянул мельком и тут же вернул.

Борька спросил:

– А Митя, как его – Рыбкин где? Плавает?

– Списан на берег! – доложил мужчина.

– Вот так всегда! – Борька покачал головой. – Лучших людей теряем! Лучших!

Катер отчалил, пошел вдоль левого берега. Стал огибать островок, заросший еловым лесом и окруженный камышом.

– Ух, щучьи места! – заметил Олег.

– Там и лучше есть. – Борька махнул рукой. – Хочешь по стаканчику для настроения?

– Нет уж. Как вспомню, так вздрогну.

– Ничего не понимаешь в благородных напитках. Впрочем, я тоже не буду. Мы можем сегодня к их главному инженеру попасть. Хотя, вряд ли.

От бетонного причала неширокая асфальтовая дорога вела к лесу. На его опушке стояла будка КПП. Дежурный взял документы, кому-то позвонил и стал спрашивать, есть ли такие в списке.

Дома в поселке стояли вдоль единственной улицы, – по правой стороне трех – и четырехэтажные, из серого кирпича, по левой – деревянные, с большими окнами и террасками. Улица упиралась в широкие ворота предприятия, огороженного бетонным забором.

– А где народ? – удивился Олег.

– Вон, две старушки на лавочке сидят. – Борька показал во двор одного из домов. – А так – все на работе. Только вечером появятся.

Гостиница располагалась в двухэтажном домике у проходной. В небольшой комнате сидела полная женщина в белом халате.

– О, знакомые все лица! – воскликнул Борька. – Опять мы

к вам. Помните меня?

— Как ни помнить! — равнодушно ответила женщина. — Были вы тут.

— В этот раз я вот — с товарищем. Но поселить лучше отдельно. Он у нас — большой ученый. По ночам работает. А я храплю. А творчество, сами знаете, какой чувственный процесс.

— Поселю, если тихо себя будете вести, — пообещала женщина.

— Как же иначе! — Мы — люди благообразные. Цветы у вас в этом году чахлые какие-то... — Борька показал на подоконник.

— Разойдутся еще! В начале лета больно жарко было. — Женщина искала ключи в ящике стола.

— А удобряете?

— Не без этого.

— В таком важном деле, как удобрение цветов, надо, прежде всего, опираться на собственные силы.

Женщина что-то разглядывала в ящике стола, ответила:

— Вот, поживете у нас, вам и доверим удобрить. Гостиничный номер был маленьким и светлым, с окном на лес. Еще пахнул недавно выкрашенный охрой дощатый пол. У стены стояли деревянная кровать с низкими спинками и тумбочка, покрытая белой салфеткой. В дверь заглянул Борька и выкрикнул:

— Воды нет горячей! Вот-те на! Пошли в баню! Тут рядом.

На улице им встретились два мужичка: один – в очках и серой кепке; другой – седой и чуть прихрамывающий. Борька спросил про баню.

– Не, у вас с баней ничего не получится, – растягивая слова, сказал мужичок в кепке. – Н-да, не получится, не пустят. Сёдня там – женский день.

– А почему ты вот так о них? – Седой с укоризной посмотрел на приятеля. – Ты разве не видишь, какие ребята хорошие!

– Вижу, – ответил первый и поправил кепку. – Замечательные ребята.

– Почему же ты сразу: «Не пустят»? И баста!

– Видно, это я зря! Но обидеть никак не хотел.

– Да, вот их-то, может, и пустят!

– Может, их пустят, – согласился мужичок в кепке.

– В гостинице горячей воды нет, – пояснил Борька.

– Не может быть! – удивился седой. – Я говорю: не может быть, чтобы в бане не было горячей воды.

– Должна быть там в обязательном порядке, – подтвердил мужичок в кепке. – Как же без горячей воды! В крайнем случае, можно в речке помыться. Сейчас тепло. Сегодня двадцать три градуса обещали.

– Это вчера обещали, а сегодня – передумали, – поправил его приятель.

Подбежала маленькая рыжая собачонка. Покрутила хво-

стом и принялась обнюхивать Борькины ботинки.

– Фу, Тюбаж! – скомандовал седой. – Не надо. Свои! А то я тебя знаю! Возьмешь да насакаешь.

– А пиво у вас тут есть? – спросил Олег.

– Как не быть! Есть! – ответил седой.

– Пиво у нас – необходимый элемент раздумий! – подтвердил мужичок в кепке.

Олег подвел итоги дискуссии:

– Ну, все вроде бы ясно. Народ сосредотачивается. А мы отвлекаем его пустыми разговорами. Народ тут мыслит и изображает масштабно.

Из подъезда соседнего дома вышла женщина в белом халате, поселившая их в гостиницу. Седой крикнул:

– Александра моя Ильинична! Чего ребят с дороги не помыла! Хорошо, мы тут! В баню их пристраиваем. Всем вместе идти договариваемся.

– Открыть надо было краны на стояке, да обождать, – ответила женщина.

– И то, правда! – Борька тронул Олега за рукав. – Пошли!

Олег сидел на кровати с полотенцем на шее и перебирал привезенные из Москвы бумаги. Пришел Борька, спросил:

– Чего? Готов? Нормально помылся? А я, представляешь, только намылился – лампочка перегорела. Стою, тереблю в руках мочалку. Вообрази, не видно, было ни зги!

У дверей технического отдела стояла невысокая молодая женщина в светлом платье.

– Кого я вижу! – вскрикнул Борька.

– Ой, вы! Приехали! Все такой же! – говорила женщина.

– Стараюсь сохранять в себе лирические начала. – Борька внимательно посмотрел на женщину. – А сердце так и бьется! Хоть иди и делать ЭКГ.

Из кабинета напротив вышел невысокий человек с чахлыми остатками шевелюры над ушами, остановился и с удивлением воскликнул:

– Боря! Ты! Какой идиотизм!

Притихли все, даже Мешков.

Человек прокашлялся и сделал рукой витиеватый жест:

– Вот кого не ожидал здесь увидеть, это тебя!

– Сам ты как? – неуверенно, даже с робостью спросил Борька.

– Да что я? Сюда перебрался! Все лучше, чем в Челябинске.

– Ах, а я-то думаю! – воскликнул Борька. – Конечно, здесь лучше. Мы сюда – на неделю. Увидимся. Крепче держите связи с общественностью!

– Но удивительно – ты и тут! – повторил знакомец. За дверью с надписью «Технический отдел» оказался еще один коридор. Женщина шла чуть впереди, и Борька шепнул Олегу:

– Кажется, тому халявщику я в институте проекты рассчитывал. И кажется, за последний он мне ни шиша не заплатил. Калякин! А как зовут, забыл. Большая задница, между прочим. Вместе с Веселовым по комсомольской линии служил.

– Я не понял, а почему он сказал: «Какой идиотизм!»?

– Ну так, от полноты чувств, – объяснил Борька.

В большой комнате стояло несколько длинных старомодных столов с резными ножками и синие несгораемые шкафы.

– Константин Михайлович сейчас в цеху, – объявила Люся. – Скоро придет.

– Вот здесь можно поработать, – Борька прошелся по комнате. – И народу никого. Кроме Люси. – Выглянул в окно и выкрикнул: – Вон! Наши дружки в сквере! Соображают чего-то.

Из окна был виден край площади перед проходной и скамейки возле клумбы. Два мужичка стояли на посыпанной песком дорожке. Возле них крутился рыжий пес.

– Это такие друзья неразлучные, – сказала Люся. – Вон тот, в кепке – фельдшер. А седой – учитель рисования. И песик всегда с ними. Как-то по-чудному его кличут.

– Ух, боевой народ! – Борька хотел было помахать им рукой, но они смотрели в другую сторону. – Сегодня нас в баню отправляли. Обещали, что там – женский день.

– Там и женское отделение, и мужское, – удивилась Люся.

В комнату вошел высокий, хмурого вида мужчина в черной спецовке.

– Ба! Константин Михалыч! – выкрикнул Борька. – И тоже – боевой, как восемнадцатый год.

Мужчина с серьезным видом пожал им руки и стал доставать из шкафа папки.

– Мы вчера Константина Михайловича поздравляли. – Люся посмотрела на начальника. – День рождения у него был.

– Ба! И мы поздравляем, – ответил Борька. – Главное, побольше славных дел! И чтобы поклонницы всегда окружали, докучали, донимали, – добивались своего!

Люся состроила недоуменную физиономию, а сам Константин Михайлович предпочел никак не реагировать.

Сели за стол. Борька достал из папки бумаги, разложил их перед собой:

– Замечания ваши все просмотрели. Как говорилось у нас, в Добровольческой армии: «Горячо одобряем и, скрепя сердце, поддерживаем!».

Люся предложила чаю. Константин Михайлович даже не посмотрел в ее сторону и стал говорить быстро и сбивчиво. Борька долго не выдержал и перебил его. Сначала рисовали схемы на листе бумаги, потом встали и подошли к черной ученической доске, прибитой к стене.

– Константин Михалыч! Говорю я Константину Михайловичу, – в очередной раз объявил Борька, не замечая, что злит хозяина.

Олег не выдержал и сказал:

– Подождите! В сторону уехали. Давайте сначала.

– И вообще давно был обед, и надо поесть, – устало проговорил Борька. – Трапезная у вас тут вроде ничего, не за-трапезного вида.

В столовой к ним за столик подсел Калякин. Опять поудивлялся неожиданности их появления и заявил, что ему надо кое о чем посоветоваться. Борька пожал плечами и пообещал, что они как-нибудь к нему зайдут. Но Калякин вытащил из кармана листок и стал показывать какой-то чертеж.

Борис подвинул листок к себе, рассматривал, продолжая хлебать борщ из тарелки, и недовольно покрутил головой. Что-то ему очень не понравилось. Он ткнул в листок ложкой, оставив маленькие жирные капли:

– Как у тебя тут – и одно, и другое. Нет уж, прыгать на все четыре стороны можно только по частям.

Калякин проводил их до проходной и пытался расспрашивать о чертеже. На улице Борька оглянулся и объявил:

– Сила идиотов – в их фантазии! Они пошли к гостинице.

– Мы им зря по старому аналогу прибор сделали, – говорил Олег. – Хуже всего что-то старое пытаться приспособить. Одна морока получается.

– Там кое какие новые идеи есть, – не согласился Борька.

– Надо было к новой схеме их подводить.

У распахнутого окна гостиницы стояли два приятеля. Рыжий пес сидел рядом на траве газона. Седой мужичок пытался заглянуть в окно и говорил:

– Александра моя Ильинична! Чаи там гоняешь! А меня, милого своего, на произвол судьбы бросила!

– Тебе только произвол и подавай, – слышался из окна женский голос. – Уж одной ногой... о душе пора думать, а

все туда же.

– Н-да, – задумчиво произнес седой и обратился к приятелю: – Петр, скажи мне: почему, несмотря ни на что, мы с тобой не унываем?

– Даже и не знаю, Шурик, – отозвался приятель. – Не унываем, и все тут!

Озеро было не таким спокойным, как утром. Ветер гнал на песок легкие волны. Над водой до самого горизонта висели клубистые белые облака.

– Рыбы мы сами не наловим, – сказал Борька.

– Ну, почем знать! – не согласился Олег. – Попробуем.

– Не будет она ловиться ни фига. Надо копченой купить. Вкусная – пальчики оближешь. Возьмем в аптеке таблеток от этого самого, но обязательно попробуем.

– Купаться пойдем? – спросил Олег.

– Вроде холодновато. – Борька поежился.

Недалеко от пристани был песчаный пляж со скамейками и «грибками». У берега стояла полная дама в алом купальнике и с пышной прической крашенных хной волос. Худощавый мужчина с зачесом на лысину пробовал ногой воду и говорил:

– У! Сегодня совсем теплая!

Олег сложил одежду на скамейку. Подошел к берегу и, не раздумывая, бросился в воду. Отплыл несколько метров и встал на ноги. Было по шею. Перевернулся на спину и поплыл дальше. Над головой стояли, будто не двигались, обла-

ка. Над лесом синела туча.

Недалеко от берега худощавый мужчина учил свою спутницу плавать. Держал на руках и командовал:

– Ногами и руками! Одновременно!

Дама разгребала перед собой воду, вытягивала шею, чтобы не замочить прическу, фыркала и говорила:

– Яшка! Нахал!

Борька стоял на песке, убрал руки за спину и выпятив живот. Наклонился к Олегу и тихо сказал:

– Гляди-ка, какие тут опытные ухажеры! Сразу и не подумаешь!

По дороге в поселок Олег предложил:

– Давай по лесу прогуляемся. С другой стороны к гостинице выйдем.

– Лучше короткой дорогой, через поселок, – ответил Борька. – Знаешь, есть такие минуты, когда организм будто что-то начинает предчувствовать и торопит хозяина.

Утром Борька громко постучал в дверь и закричал:

– Эй! Спишь, что ли? Вставай!

Олег не спал, но вставать не собирался. Посмотрел на часы и удивился:

– Куда в такую рань!

Борька был в майке, спортивных брюках и шлепанцах на босую ногу. Сунул Олегу листок со схемой, а сам прошел в комнату и уселся на подоконник:

– Вот видишь, как надо! Оказывается, проще пареной ре-

пы! Под любые параметры подходит. И почему сразу не догадались в трубку свернуть? Вот за что я люблю жизнь, за эти мгновения понимания. Вот это да! И какое удивительное чувство свободы – взять и придумать. Именно свободы! И не какой-то, а твоей собственной! Понимаешь, о чем я? Вот, Александр Сергеевич в этом кумекал! Хоть и гуманитарием был.

Схема казалась очень удачной. А Борька был громогласным, самодовольным и хвастливым. Олега это немного раздражало. Можно было бы позлить Борьку и сказать, что ничего особо путного он не придумал. Но схемка вправду казалась очень красивой. Наверное, Борька даже не понимал, как она объединяла все то, над чем сейчас работали.

– А как она интегрируется легко! Все сразу объединит! Да? – Борька ткнул пальцем в свой листок.

Олег не удержался и ответил:

– Все это можно решать по-другому и радикально. Подвергать жидкость сильному облучению, чтобы в ней пузырьки газа формировались, а их измерять. – И тут же пожалел, что проболтался.

– А облучение куда пойдет? – Борька сразу ухватил самое трудное. – Если люди рядом будут?

– Ну, вот тут думать надо.

– Ты про это пока никому не говори. – Борька прошелся по комнате. А то они нам сейчас прибор зарубят. И неизвестно, получится ли то, о чем ты говоришь. Подумать надо.

Константин Михайлович был на совещании. Им пришлось его ждать. Борька звонил в Москву какой-то приятельнице и говорил:

– Вот еще! Что тут врать! Правда, в командировке! На острове. Обитаемом! Не могу сказать, где. В каком океане. Что значит «трепло»? Зачем так говорить! А если наш разговор слушают? Как кто? Спецслужбы! И я по твоей милости прослыву у них вруном! Хи-и!

После обеда они пошли в лес за поселком. За деревьями, совсем близко синело озеро. Но оказалось, что к нему не подойти, – вдоль берега тянулись бетонные столбы с колючей проволокой.

Светлый сосновый лес кончился. Открылся косогор с кустарником у подножья. Они поднялись по высокой траве на его макушку.

– Место какое благодатное, – сказал Олег.

– Скит здесь когда-то стоял. Вон там, внизу часовня осталась. – Борька сел на траву и вытянул ноги. – Все-таки схемка получилась удивительно удачной. В таких случаях главное – голову зря не ломать. Хоть по комнате ходи, хоть руки заламывай, – все бесполезно. А если просто взять да послушать, может иной раз и услышишь. Нет, я правду говорю.

– А чего ты мне это объясняешь? Я и без тебя знаю, – ответил Олег.

С косогора они спустились к заросшей камышом мелкой речушке. Стояли на бревнышках моста и смотрели, как вода

треплет длинные, темно-зеленые водоросли.

– Конечно, хорошо здесь поселиться, – говорил Борька. – Но города будет не хватать. Ни конференций тебе, ни прочего трепа. Обалдеть от этой секретности!

– А много ты на конференции ходишь?

– Потому что неинтересно. Было бы интересно – ходил. Куда-нибудь за кордон махнул бы с лекциями выступать.

– Там своих хватает.

– Для ученого признание очень важно. Да и вообще – глупость какая-то эти представления, что мы в осажденной крепости. Надоело это уже. Рано или поздно, а придется с миром замириться.

– А кто его обижает?

– Вот ты! Человек вроде вменяемый, – говорил Борька. – А чуть что – сразу империалист. Ну, может и не империалист, а так... Вот, мол, мое и никому не отдам.

– Всякий нормальный человек свое абы кому не отдаст.

– А кто у вас забирает? Кто? Все живут тихо-мирно. Никакие свои особенности не выпячивают. Вот тебе скажи: никаких особенностей у вас нет, ты первый заорешь: «Как бы не так!».

– Что ты хочешь сказать? Что никто ни от кого не отличается?

– Послушай, ты знаешь, что я – парень из деревни, – быстро заговорил Борька. – Простецки – некуда. Вот и объясни мне: в чем мои особенности?

– Тебе? Про особенности? Пожалуйста! Ты не любишь всякую меру. Не любишь бить в одну точку. Зато обожаешь вопросы задавать. Себе самому!

Борька скривил физиономию и спросил:

– В каком это смысле я не люблю меру?

– В прямом. И еще ты, хоть недолго злишься, но надолго обижаешься.

– Это все словеса! И только!

Ирина стояла у входа в Дом дружбы народов на Калининском и выглядела даже важнее обычного. Билеты на концерт достала ее мать, и кроме Олега были приглашены Вика и Артамонов.

– Если эти змеи опоздают, мы их ждать не будем, – объявила Ирина.

– А что за певица? – спросил Олег.

– С Ямайки. Очень длинное имя. Я не запомнила. Подошли Вика и Артамонов. Она заулыбалась и чмокнула Ирину в щеку, а он молча кивнул и протянул Олегу руку.

В буфете Вика громко сказала:

– Шампанское есть!

Артамонов принял задумчивый вид и, как подобает поэту, стал сосредоточенно разглядывать лепнину на потолке. Олег отстоял в очереди и принес бокалы с вином и шоколадку.

– Где эта Ямайка находится? – спросила Вика. – Где-то в Атлантике?

– У нас в классе девочка была, Люба Папкина, – сказал Олег. – Она всегда говорила: «Антрактический океан».

– В этом что-то есть, – заметил Артамонов и допил шампанское.

Вика долго и подробно рассказывала о новой приятельнице – жене представителя какой-то фирмы в Москве.

– Они весь свет объездили! – уверяла Вика. – А дома у них прислуга обед готовит.

– Чужие люди в доме – я не представляю это как... – Ирину этот треп сильно раздражал.

– А что такого? – изумилась Вика.

– Ну, ведь наймиты! – объяснила Ирина. – Кто знает, что у них там на уме. Возьмут и плюнут в кастрюльку. В ходе классовой борьбы...

Певица с длинным именем была немолодой коренастой креолкой. Ведущий назвал ее «большим другом нашей страны». Она пела под гитару томным, красивым голосом.

После третьей песни возникла пауза, и ассистент стал возиться с микрофоном. Олег повернулся к Ирине:

– Понимаешь креольский диалект? А то я переведу. Вот, например, из последней песни: «Коварный идальго! Зачем ты проник этой темной ночью под кров несчастной женщины? Зачем ты схватил своими горячими руками ее смуглые плечи?»

После следующей песни в зале заплодировали, а соседка слева – коротко стриженная дама средних лет – посмотрела

на Олега и спросила:

– А эта песня, интересно, о чем?

– О чем? – переспросил Олег. – Ну, как же! «Ранним утром отплывали от родных берегов рыбаки. Долго махали им на прощание молодые рыбачки. Чайки несли их приветы любимым».

– Где эта Ямайка находится? – поинтересовалась дама.

– Ну, как же! В этом..., в Антрактическом океане! – Олег широко раскрыл глаза и с удивлением взглянул на даму.

После концерта пошли мимо буфета к выходу.

– Шампанское у них очень вкусное, – напомнила Вика.

– Н-да, – согласилась Ирина.

Артамонов достал из нагрудного кармана книжечку и стал что-то записывать, а Олег пошел к очереди перед буфетной стойкой и подумал: «Что ж, в конце концов платить за все положено пассажирам!»

– Она неплохо поет, – сказала Вика. – Мне понравилось. Только туфли у нее уж очень задрипанные.

– А платье что, лучше? – усмехнулась Ирина. Артамонов поставил на столик пустой бокал:

– Мы завтра в ДК «Красная Пресня» выступаем. Хотите, приходите.

Олег промолчал, а Ирина ответила:

– С удовольствием бы, но завтра я никак не успею.

В фойе Артамонов оказался рядом с Олегом и буркнул:

– Суетишься ты с этими рюмками.

В июне в приличном академическом журнале вышла Борькина статья. По этому поводу столы в его лаборатории были сдвинуты и накрыты белой бумагой, а сотрудники увлеченно резали сало и любительскую колбасу. На подоконнике в литровой банке стоял большой букет гвоздик.

– Привет тебе, триумфатор! – сказал Олег, войдя в лабораторию.

– А ты чего не выступал на совете? – спросил Борька. – Я думал, ты выступишь, даже напоминать не стал.

– Там одни доктора к трибуне выстроились.

– Ты же в этом деле кумекаешь, – ответил Борька. – А то там началось и понеслось не в ту сторону.

Народу собралось много. Кое-как расселись на стульях, креслах и ящиках, разобрались со стаканами и вилками. Тарелок на всех не хватило.

Дамы из Борькиной лаборатории провозглашали тосты за начальника и старались поведать миру о неизбежности новых открытий.

– Тебя прям как Леонида Ильича чествуют, – сказал Олег.

– Не, я человек скромный. – Борька дожевывал кусок сала. – Но чего мне это стоит!

О статьях и открытиях скоро забыли и хором заговорили об отпусках.

– Все поехали на рыбалку! – орал Борька. – Знаете, каких я щук ловлю! Видели фотографии? Нигде так человек

не раскрывается, как на рыбалке!

– Особенно, когда не клюет, – добавил Олег.

– Почему не клюет? – обиделся Борька. – У меня всегда клюет.

Пришел замдиректора Ляшко – большой и грузный человек. Сел на край стола, попросил:

– Мне водочки налейте. – И посмотрел на присутствующих: – Это вы чего? Очередную годовщину приказа о пьянках на рабочих местах отмечаете?

– Разве его не отменили? – удивилась дама из Борькиной лаборатории.

– Нет. Всех, небось, завтра в приказ по институту запишут.

– А вас?

– Я скажу, что участвовал, но неохотно.

– Все эти приказы надо отменить, как противоречащие традициям коллектива, – заявил Борька. – А то, что получается? Отметить ничего нельзя!

Людмила Даниловна из профкома объявила:

– Ребята! Кому нужен ковер, записывайтесь завтра у меня.

– Запиши меня, – попросил Борька. – Мне как раз новый ковер нужен. Так плохо было после одного юбилея! А ковер внизу у дивана лежал. Ну, повезли мы его потом к теще на дачу. Два дня чистили. Так его чистеньким там и украли.

Одна из сотрудниц рассказывала:

– Я так нервничала из-за этих схем, которые Борис Пет-

рович представлял на совете. Переживала, как бы мы в них чего не проглядели. Из-за этих схем мне всю ночь кошмары снились.

– Мне на днях вообще приснилась нечистая сила, – перебил ее Борька. – Гляжу – обложила, окружила. Не вырваться от нее. Как быть? Что делать? Ну, думаю: креститься надо. Свят! Свят! Проснулся, лоб вытер и говорю себе: «Уф! Все-таки отбился! Нас, комсомольцев, голыми руками не возьмешь!»

Слева от Олега кого-то вполголоса обсуждали две дамы.

– Не знаю, чего она так к нему привязалась, – говорила одна.

– Может, он как любовник..., – предположила другая.

– Она сказала, что как любовник он очень необязательный.

По дороге домой Олег подумал, что можно было бы зайти в ДК и послушать выступление той девчонки. Но сразу возникло опасение, что там может оказаться Вика. Пришлось бы городить какую-нибудь глупость, вроде: шел мимо и вспомнил про концерт.

Ничего не решив, он сел у метро в троллейбус. Проехал одну остановку и подумал: «А с какой стати я должен думать о Вике?» И начал протискиваться к выходу.

Билетерша скучала у входа. В фойе никого не было. В открытую дверь была видна освещенная сцена. Пел под ги-

тару долговязый парень в куцем светлом пиджаке. Зрители занимали только первые ряды.

Олег сел в конце зала и сразу заметил Вику. Надо было потихоньку сматываться. Ситуация – глупее не придумаешь. Все, как нарочно. Но прежде, чем уйти, пересел поближе, и понял, что обознался. Девчонка просто немного напоминала Вику.

На сцену вышел Артамонов. С правой стороны включили сильный юпитер, и Олег увидел, что впереди, у прохода сидит Аня. Девушка с длинной челкой на лбу и пучком волос на затылке повернулась к ней и что-то спросила.

Он сел за ними, немного подождал и прошептал:

– Привет шлюпочным магнатам!

Аня чуть повела плечами, но не повернулась. Подружка с длинной челкой посмотрела сначала на него, потом на Аню, но промолчала.

– Что же вы сегодня не выступаете? – спросил Олег. Аня прижалась к спинке кресла, повернула голову и тихо сказала:

– А, это вы!

– Разумеется! – ответил он. – Я думал, вы будете на сцене.

– Сегодня не буду.

Ее подружка обернулась и взглянула на Олега.

– Мы тоже решили приобщиться, – прошептал он. – Стихи написали.

– И что? Будете читать? – спросила Аня.

– Если только вам.

– Прямо сейчас?

– Извольте! – ответил он: – «Начало всех начал в конце концов хорошее начало».

Она повернула голову:

– А дальше?

– Вы от меня слишком многого ждете. Дальше пока не сложилось.

После концерта они вышли на улицу. Подруга сделала серьезный вид и громко сказала:

– Тебя, я так понимаю, молодой человек возьмется провозжать. А мне – к метро.

– Я вместе с тобой! – ответила Аня.

– А как же молодой человек? – удивилась подруга.

– Я с вами, – отозвался Олег.

Они перебежали улицу и трамвайные пути и пошли по скверу. Подруга разговорилась. Ругала одних выступавших и хвалила других. Рассказывала, что раньше тоже писала стихи. Но вдруг загрустила и замолчала.

– А как Артамонов пишет, вам нравится? – спросил Олег.

– Уж очень вычурно, – ответила Аня. – Одно подражание.

– Ну, почему же? – не согласилась подруга.

– Неестественное в нем что-то есть.

Подруга распрощалась с ними у перехода к метро:

– Меня Леной зовут. Наверное, еще увидимся.

Ане это не понравилось, и она отвернулась.

Они перешли улицу у Краснопресненского универмага.

Олег предложил:

- Пойдем в кафе-мороженое на площадь Восстания?
- Ты знаешь, я сегодня очень устала, – ответила она.
- А телефон не просить?
- Просить. Давай по скверу погуляем. Хочешь?

Ему очень захотелось взять ее за руку. Дотронулся, будто невзначай до ее ладони и почувствовал, как она едва заметно отстранилась от него.

- Хочешь пломбир или эскимо? – спросил он.

Она посмотрела на него, улыбнулась и закивала головой.

Две маленькие девочки остановились посередине улицы на разделительной полосе, пропуская транспорт. Но одна вдруг рванулась вперед и оказалась перед желтой «Волгой». Раздался резкий и визгливый скрежет тормозов. Девочку бросило на асфальт, а машина заюзила и ударилась об ограду сквера.

Олег подбежал к ребёнку, подставил ладони под голову, смотрел в большущие, ничего не понимающие глаза. Шофер распахнул дверцу машины и выкрикнул:

- Эй, помоги! Выбраться помоги!

Олег посмотрел в его сторону. Шофер кричал:

- Чего там с ней возишься! У... ё... Мне помоги!

Рядом оказались две женщины. Одна из них подняла девочку на руки.

Олег постоял еще немного и огляделся по сторонам. Ани рядом не было.

Месяца через два пришло письмо. Обратный адрес на конверте был написан красивым, ровным почерком: «ул. За-
моренова». На тетрадном листке он прочил: «Прости, но то-
гда стало очень страшно за все. Ничего, что я взяла твой ад-
рес в справочном бюро? Да?»

Он пожал плечами и разорвал письмо вместе с конвертом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утром в квартиру Олега позвонили. На пороге стоял Пашка из соседнего подъезда. Никогда не дружили, но и не ссорились. В школьные времена играли в хоккей на дворовой площадке, а потом Олег время от времени останавливался возле Пашкиного гаража поболтать о рыбалке.

Пашка как всегда ухмылялся, и оставалось только гадать отчего – то ли собирался разозлиться, то ли, наоборот, развеселился.

– Ты ко мне? – удивленно спросил Олег.

– Слушай, надо ящик вниз стащить, – ответил Пашка. Олег не понял и пожал плечами. Отказать было неудобно.

Пашка никогда ни с какими просьбами не обращался, и значит на этот раз ему было очень нужно.

– Отец помер, – объяснил Пашка. – Хороню сегодня.

– Гроб в дом внести? – спросил Олег.

– Не, вчера с мужиками втащили. Теперь надо из подъезда выволакивать. До машины.

– Раз такое дело, могу и на кладбище поехать, – предложил Олег.

– Не надо, – ответил Пашка. – У них там каталки. Только вниз снести.

У подъезда стоял автобус с черными полосами по бокам. Шофер сидел на переднем сидении и курил.

– Этому хорьку заплатить обещал, чтобы помог. – Пашка кивнул на шофера. – Такую морду скосорылил...

Поднялись по лестнице на четвертый этаж. В дверях их встретил парень в белой футболке с засученными рукавами и спросил:

– Что? Нашел? Ну, вчетвером кое-как спустим. С передышкой.

Гроб стоял на столе в небольшой комнате. Пашка сказал, что надо закрыть его крышкой. Парень в футболке ответил, что так не дотащить. Спорили они громко и недовольно. Пашка все же согласился нести без крышки.

В прихожей гроб застрял. Пришлось держать покойного за плечи и поворачивать гроб немного набок. Ободрали обои на стене.

– Ой, шкаф осторожнее! – выкрикнула Пашкина мать.

– Хватит! Замолчи! – гаркнул на нее Пашка и сам схватился за гроб.

– Не, нельзя тебе, – попытался остановить его кто-то из соседей.

– А, подумаешь! – отмахнулся Пашка.

Вынесли гроб из подъезда. Пашка зло крикнул шоферу:

– Эй, спишь там, что ли? Открывай!

– Надо на табуретки. Здесь попрощаться, – предложила старушка-соседка.

– Не, хватит! Поехали! – оборвал ее Пашка. Вечером

Пашка опять зашел к Олегу. Ухмыльнулся и показал на поллитровку в кармане:

– Давай у тебя. А там – бабы. Надоели до смерти со своим оранием. Полдня орут и жрут. Всю ночь студень варили.

Олег достал из холодильника остатки колбасы и рыбные консервы. Пашка посмотрел на рюмки:

– Маленькие они у тебя какие-то... Ну, ладно.

– От чего отец умер? – спросил Олег.

– Поболел да помер. И не объяснили толком.

– Разве не написали? – спросил Олег.

– Нацарапали что-то в бумаге. Хрен разберешь.

– Да-а, жил человек и вдруг – нет его.

– Пожил да помер. – Пашка поморщился, давая понять, что разговор с сетованиями и соболезнованиями ему ни к чему.

– В какой крематорий ездили? – спросил Олег.

– Не помню, как называется. У кольцевой дороги. Там, в крематории все раз-два и готово. И поезжай поминать. А все равно житья мне спокойного не будет. У нас – видел? Комнаты – смежные. Даже если я в дальнюю перееду, а мать – в большую. Как толкотня была, так и останется. Это у тебя – хоромы. Вы тут с матерью вдвоем жили. Я помню, когда ее хоронили. Народу у вас много было.

– Она на «Трехгорке» работала. Все и пришли.

– А отца твоего я что-то не помню.

– Он в войну под бомбежку попал. Потом много болел.

Рано умер. Когда мне три года было.

– Один ты теперь, – будто довольно проговорил Пашка.

Олег попытался перевести разговор на другую тему и спросил:

– Когда в отпуск?

– Не знаю. Я со старой работы шел. – Пашка разлил водку по рюмкам. – Ребята зовут в Сибирь поехать мосты красить. Заработок – во! А то бы – и смотаться. Вон, люди живут! Нужны деньги – пошел и взял в кредит. Только потом ходи, переоформляй.

– Это где такое?

– Ясно, что не у нас.

Пашка закусил рыбными консервами.

– У матери были кое-какие деньжата. Я хотел у нее на новый мотоцикл взять. А теперь все потратила. Туда – десятку, сюда... Дорогое дело – хоронить. Правда, мамаша своими деньгами управлялась.

– А когда за урной ехать? – спросил Олег.

– Хрен ее знает. Мамаша, кажется, где-то записала. Еще тоже возни будет. На кладбище их захоранивают. Или – в стенку... Когда выяснилось, что я на свет появлюсь, мамаша сказала папаше, а он ей: что, оставлять хочешь? Хе. Вот так...

Они поднялись по ступенькам ладного, недавно отреставрированного особняка в переулке за Таганской площадью.

– Возьми пригласительные! – скомандовала Ирина. – А то получается, что я тебя веду.

На одном из глянцевого, нарядных листочков было отпечатано: «Господину Залесову».

– А что, они именные? – удивился Олег.

– Естественно. Так бы тебя не пустили. Еще и документы потребуют.

Дежурный с повязкой на рукаве попросил их остановиться, посмотрел пригласительные и спросил:

– Вы, простите, из какой организации?

– Комитет общественных связей, – важно ответила Ирина.

– Пожалуйста, на второй этаж. – Дежурный показал на широкую лестницу.

Иринин брат, большой и насупленный, стоял у входа в зал, шлепал носком черного ботинка по карему, начищенному паркету и слушал седого, широкоплечего человека в светлом пиджаке. Собеседник взял брата за локоть, что-то негромко сказал и пропал в толпе.

Сергей Павлович увидел Ирину и Олега, подождал, пока они подойдут, и протянул руку:

– Вот, видите, теперь здесь занимаемся делами. Много встреч, много разных бесед. Запускаем большую программу сотрудничества. Очень много предложений из-за рубежа.

К Сергею Павловичу подошли худая женщина с воздушным шарфом на плечах и Пискунов – успевший примелькаться на телеэкранах новомодный политический деятель,

сторонник решительных перемен всего и вся. Оттеснили в сторону Ирину и Олега и заговорили о каком-то совещании в Ленинграде.

Публика была одета пестро: в черных костюмах и строгих платьях, в мохеровых кофтах и неглаженных брюках, в рубашках и джинсах. Была заметна неловкость от необычного зрелища и удивленность. Во всяком случае Олег чувствовал их в себе, но не ощущал в Ирине и ее брате.

Из-за плеча появилась голова того самого седого человека в светлом пиджаке. И вопрос в сопровождении натянутой улыбочки:

– А вы у нас кто?

Олег вытянул лицо от удивления, а Ирина равнодушно ответила:

– Из комитета по общественным связям.

– Очень приятно! – сказал седой человек и представил: – Вейтер Михаил Борисович – управляющий директор здешних мест. Будем сотрудничать. И надеюсь, вы у нас часто станете бывать. – И обратился к Олегу: – Это здание у нас полностью готово, а сейчас отделываем основное здание нашего центра на Варварке. Позвольте вашу визитку.

Нет? Жаль. Вот вам моя. И, пожалуйста, в тот зал. Покушать бутерброды. И виски там есть.

– Надо как-нибудь сюда Вику притащить, – тихо проговорила Ирина. – Она любит всякие тусовки.

В зал быстрыми шагами вошел парень с сумкой на плече,

выкрикнул:

– Всем привет! – Высмотрел в толпе кого-то из знакомых, заорал: – А! И ты здесь!

Ирина отвернулась, шепнула:

– Во! Видел? Пресса прибыла.

Включили большую люстру. В углу зала загудел микрофон. На возвышение поднялась статная дама в брючном костюме и заговорила с легким акцентом:

– Господа! Мы рады приветствовать вас здесь, в наших стенах в Москве! Сообщаем вам, что мы начинаем нашу миссию в этой стране, которая сейчас так хочет расстаться со своим прошлым. Мы видим свою задачу в том, чтобы поддержать эти усилия. Своим присутствием мы обеспечиваем необходимое содействие. – Дальше даму начала подводить русская грамматика.

После этого выступления возникла небольшая заминка. Кого-то звали и разыскивали. Опять загудел микрофон. На возвышении появился Михаил Борисович Вейтер:

– Господа, сложный современный период нынешней России – это период перехода от старомодного традиционного общества к обществу глубоко модернизированному и потому нетрадиционному. Эти слова надо выделить в качестве ключевых в разрабатываемой концепции предстоящих преобразований. Традиционное общество основано на многочисленных долженствованиях и глубоко вязнет в разных путях, а современное – базируется на снятии табу и широких

личных свободах. Мы хотим, чтобы именно к такому обществу шла Россия, отбрасывая свой имперский менталитет и превращаясь из поработителя в друга всех народов.

После Вейтера что-то долго бубнил старичок-историк. Публика начала шептаться и гудеть. Объявили Пискунова. Ему сразу аплодировали. Он церемонно раскланялся.

– Сегодняшние задачи перестройки и демократизации общества, э... – И бодрым голосом: – Предоставление гражданам политических прав основывается на экономических свободах вплоть до собственности. Э... Укрепление и развитие этих прав...

Всех пригласили в соседний зал. В дверях возникла толчея. Сергей Павлович и Вейтер остановились у ближнего столика.

– Тут у нас все как дома. – Вейтер обращался к Ирине: – Лучшее обслуживание – это самообслуживание. Вам чего налить? И уже Сергею Павловичу: – В принципе, очень интересно было бы в вашем регионе семинар организовать. Человек на пятьдесят. А потом наиболее подготовленные могли бы поучаствовать в нашем семинаре в Вене. Но это – позже. После вашего ознакомительного визита. Людей, наверное, можно на семинар подобрать.

– Много у нас проблем накопилось, – важно говорил Сергей Павлович. – Особенно – с очередями.

– Правильно! – поддержал Вейтер. – И с очередями. А что вы там теснитесь? – Он обращался к Ирине и Олегу. – По-

жалуйте сюда, молодые люди. Рыбки из Норвегии попробуй-те. – И показал пример.

На улице было холодно. Но Ирина сказала, что ей обязательно надо дожидаться брата. Он появился только через полчаса. За это время из дверей особняка вынесли и погрузили в «Волгу» два бесчувственных тела. Одно принадлежало общительному репортеру, другое – старичку-историку.

Шофер стоял возле машины, заглядывал внутрь и неизвестно кого спрашивал:

– Куда их вести-то?

Вышел Сергей Павлович. Деловито объявил Ирине:

– Я тебя до дому подбросить не смогу. Мне – в гостиницу. Надо несколько важных звонков сделать. Еду в Вену.

Выбрались из темных переулков и стали переходить площадь у метро.

– Все туфли ободрала, – говорила Ирина. – Тоже мне, подвезти он не мог... Может, нам тогда к тебе поехать? Ты меня не зовешь. Совсем скучным стал. Я подумала: может, мне с собой Вику взять? Чего ты на меня посмотрел? Должна же я тебя как-то развлекать.

В курилке два дня подряд обсуждали последнюю демонстрацию в центре города.

– Пискунов из Ленинграда! – говорил Борька. – Ну, молодец! Как врезал!.. Про цековскую мафию! Так вот вслух и назвал.

– Следователь из прокуратуры выступал, рассказывал, как дело вел, а его быстро свернули. – Веселов тоже был в курсе последних событий.

Олегу все это в конце концов наскучило, и он сказал:

– Показывали вашего кумира, пьяного в дребодан, а он потом говорил, что ему рот на киноплёнке растягивали.

– Это сами телевизионщики подтвердили, – оборвал его Борька.

– Так и было, – поддержал его Веселов. – У нас в Пушкино парень живет, на телестудии работает. То же самое говорит!

Олег спросил Борьку:

– Вот, ты знаешь что-нибудь о таких возможностях?

– А кто там чего знает! – отмахнулся Борька.

– Но главное даже не это. А то, что ваш кумир болтал, – Олега этот разговор начинал злить. – А нес он удивительную глупость! И что? Телевизионщики за него говорили?

– Охота тебе за партаппаратчиков заступаться? – спросил Веселов.

– И, правда! Хи-и! согласился Борька.

– А вы чего за секретаря обкома так заступаетесь?

– Он – уже бывший!

Веселов докурил и нервно сказал:

– Мы живем при системе, которая в тридцатые годы создана. Надо когда-то ее ломать или не надо? Это система себя как империя ведет!

– Почему империя – это плохо? – спросил Олег.

– А на черт она нужна?

– Чтобы народы не передрались!

– Почему тогда в той же Европе не дерутся? – раздраженно спросил Веселов.

– Там уж сколько дрались! – ответил Борька.

Веселов помолчал и важно сообщил:

– Мы хотим образовать свою партию. Прежде всего, это должно быть сильное интеллектуальное ядро общества. Должны быть люди, специалисты в своем деле, способные анализировать и предвидеть.

– И кто к вам запишется? – лукаво спросил Борька.

– Очень интересный народ подбирается.

– Чувствую, туда все попадут, кто в свое время в КПСС пролезть не сумел, – сказал Борька.

– Я там не был и тем горжусь. – Веселов недовольно посмотрел на Борьку.

– А чего тогда ходил, просился? – спросил Борька.

– Я? Ну, и ходил! Ну, и что? – Веселов бросил в урну окурок и ушел.

Борька посмотрел ему вслед, состроил рожицу и захихикал:

– Вот еще – партийный деятель у нас появился. А насчет кумира – это ты зря. И неважно, растягивали ему рот на пленке или нет. Надо же как-то с партократией бороться. Только такие люди, как он, и могут все это сломать.

– Пустые они все какие-то... – ответил Олег. – Что твой

Пискунов, что прочие.

Творческий вечер Артамонова был устроен в каком-то человеколюбивом обществе из тех, что появлялись тогда в изобилии, и потихонечку превращались в коммерческие конторы. Открытие задержали на полчаса. Публика прохаживалась по фойе и разглядывала фотографии митингов и новых вождей. Наконец, всех пригласили в зал. Зажглись юпитеры. На сцену вышла Виктория Георгиевна Нивецкая и объявила, что будет ведущей «этого замечательного вечера». На ней было длинное темное платье и крупные белые бусы. Появился сам триумфатор – в джинсовой куртке и кроссовках.

Олег повернулся к Ирине и спросил:

– А где Вика?

– Может, еще придет, – равнодушно ответила Ирина.

– Начнет, наверное, со своего «На смерть поэта»? – Олег кивнул в сторону сцены.

– Не злорадствуй. Он, кстати, спрашивал, придешь ли ты.

О Высоцком Артамонов так и не прочитал. Зазвучало нечто иное. В нескольких интерпретациях было произнесено: «Тяжелая расплата – для них, для них...»

Нивецкая объявила, что тоже будет читать, но из опубликованного:

– Сейчас не очень пишется. Наверное, потому что время так динамично и так неистово политизировано. И это – хо-

рошо. И еще хорошо, что столько разных общественных дел. Но все это, конечно, только до поры. Наше главное дело – писать. И мы с ним справимся. Мы еще скажем о своем времени точно, четко, ярко!

Опять читал Артамонов. И не моргнув глазом, заявил:

– Я рад, что доказал себе очень важное. Что способен под-
няться над реальностью и творить свое искусство.

Предоставили слово приглашенным. На сцену вышел Белкин – поседевший и стареющий, в ярком зеленом пиджаке.

– Жесточайший пресс политической цензуры раздавил всех истинно талантливых, – говорил Белкин. – Настоящая глубокая поэзия оказалась загнанной на кухню, стала уделом немногих. Но как бы ни хотела власть, она не могла вытравить цензорскими чернилами вечно живое слово!

Олег пожал плечами и шепнул Ирине:

– Слушай, но ведь это тот самый Белкин, который: «И партия, старший товарищ, вперед поведет комсомол!».

– Ну и что? – Ирина недовольно посмотрела на него. – Не мешай.

Через боковую дверь в зал вошла Вика, остановилась и стала высматривать свободное место.

– Все-таки пришла! – прошептала Ирина.

– А что такое? – не понял Олег.

– Ты что? Творческий вечер, да еще здесь! Сама Нивецкая ведет. В двух журналах подборки вышли. Понятно? Вот Вика и бесится.

Последним выступал худенький длинноволосый парень лет восемнадцати:

– «Когда под натиском врагов полки России отступали, и черный гнев в ночной покров...»

На первых рядах зашумели. Кто-то свистнул. Пожилая дама тонким голосом выкрикнула:

– Не надо нам тут шовинизма!

Парень запнулся, а Нивецкая быстро сказала в микрофон:

– Можно еще много выступать, но пора чествовать поэта. А где чествовать, как не на пиру! Всех просим пройти в соседний зал.

– А почему, собственно, шовинизм? – громко спросил Олег.

– Не заводись, – оборвала его Ирина. – Пошли!

Все поднимались с мест и выходили из зала. В фойе стояла Вика.

– Как ты, подруга? – Ирина тронула ее за плечо. – Даже к телефону не подходишь.

– Весь вечер вчера дома была, – удивилась Вика. Подошел Артамонов. По-свойски обнял Вику и Ирину за талии, чмокнул обеих в щеки:

– Ну, как, красавицы мои! По-моему, нормально прошло. Что ж, теперь можно коньячку себе позволить. – И посмотрел на Олега.

Со второго этажа по лестнице спускались Вейтер и молодой человек в черной водолазке, угрюмый и неприветливый.

– Виктория Георгиевна! – Вейтер окликнул Нивецкую: – Что у вас сегодня? Вечер поэтов? Отлично! А послезавтра у нас собрание прессы. Очень надеемся, что вы выступите. Да? Отлично.

Вейтер говорил что-то еще, уже совсем тихо, а молодой человек стоял рядом, недовольным тяжелым взглядом рассматривал публику и теребил ворот водолазки.

В углу зала полная дама громко выговаривала длинноволосому парню, выступавшему последним:

– И в такое переломное время вы зачем-то вытаскиваете из чулана всю эту рухлядь и еще начинаете ею любоваться! Весь этот хлам давно должен быть выброшен. Это отравляло жизнь миллионам людей!

Парень внимательно посмотрел на даму и выкрикнул:

– Да кто вы такая, чтобы меня учить? Откуда вы взялись?

Ирина схватила Олега за локоть и повела в следующий зал. Публика стояла у накрытых столов с поднятыми бокалами. Выступающий говорил о нежных струнах артамоновской поэзии и предложил выпить за дам. Слово тут же взял Белкин. Объявил, что гении нынче вообще-то есть, и многозначительно оглядел присутствующих, будто ждал, что они догадаются, о ком идет речь.

В конце июля Борька взял отпуск на неделю и укатил на рыбалку. Как раз в это время приехал заказчик из Челябинска и заявил, что в их разработку надо срочно вносить из-

менения. По ходу дела выяснилось, что в документации есть ошибки Борькиной лаборатории. На совещании в министерстве Олег попало за весь институт. Он злился, что его самым наглым образом подставили – и начальство, и Борька. И как раз в это время Веселов рассказал ему, что Ирина собралась увольняться. По-хорошему, надо было бы позвонить ей и расспросить, как да что. Но не захотелось.

Через пару дней Ирина позвонила сама:

– Слушай, у меня к тебе дело есть. Зашел бы поговорить. Я теперь в доме напротив, на новом месте.

– Это как? – не понял Олег.

– В окошко тебя вижу, – развеселилась Ирина. – Сейчас раму открою и рукой помашу. Не, заклеена, зараза. Ну, я – через улицу. Прямо напротив института.

На другой стороне улицы стояла высотка НИИ удобрений. Олег выглянул из окна и увидел возле их подъезда два грузовика.

– А при чем – ты и химия? – спросил он.

– Заходи, узнаешь. Мы с братцем офис сняли. Пять комнат. Пока тут только я и тетка-вахтерша.

– А куда удобрения делись?

– На других этажах. Или – уже в поле. Выписывать тебе пропуск?

На первом этаже прежнего НИИ все было заставлено большими и маленькими коробками. Грузчики в синих спецовках тащили к выходу ободранный шкаф. На полу были

уложены перевязанные тесемками толстые папки. Уборщица со шваброй в руках обсуждала с вахтером, мыть или не мыть лестницу.

Олег поднялся в лифте на пятый этаж и оказался в широком коридоре. Перед дверью стоял маленький столик. За ним сидела старушка в очках.

– К Ирине Павловне? – важно спросила она, оторвав глаза от журнала. – Прямо и направо.

Ирина сидела на подоконнике в большой пустой комнате и болтала по телефону. Положила трубку и сказала:

– Вот, сюда перебираюсь. Еще ни столов, ни стульев.

– А что здесь за переполох? – спросил Олег.

– Газеты надо читать, товарищ дорогой! Братец у себя там, в местах бывшего обитания уже три малых предприятия открыл. Теперь вот здесь. Я неделю в исполком ходила, как на работу.

– И что вы будете делать? – поинтересовался Олег. – Шить или пироги печь?

– Вагонами будем разные разности поставлять отсюда – туда. Представляешь, сколько работы! И бухгалтера надо найти, и мебель купить. Еще у братца идея взять в аренду колхоз под Москвой и устроить там что-то вроде имения. Цветы выращивать, колбасный цех открыть. Вот такие перспективы. Хочешь к нам?

– В имение?

– Хоть бы и туда.

– Если только Котовским!

– Тогда лучше объясни, какие мне компьютеры для офиса покупать, и что такое «факс»?

Из коридора донеслись вопли и ругань. В комнату быстро вошел чем-то очень разозленный Сергей Павлович и закричал:

– Надо же, старая карга! Спрашивает: «Кто я такой!» Еще меня расспрашивать будет! Дура! Буду я ей объяснять!

– Это кто? – спросила Ирина.

– Бабка, которую ты у двери посадила! Вот, зараза безмозглая! «Кто я тут такой»!

Братец попыхтел, отер лоб платком и только после этого вроде бы заметил Олега. Наклонил чуть набок голову, ссутулился и протянул руку:

– Вот, начинаем раскручивать новое видение, работать с современными моментами. Ирина считает, что мы должны на вас рассчитывать. Так что включайтесь.

– Я только по научной части, – ответил Олег.

– Разным надо заниматься. – Братец уже не сутулился, а стоял прямо и поправлял очки – Я об этом определенно всегда заявляю, и в этом отличие моего мнения.

Ирина повела брата показывать другие комнаты, а Олег смотрел в окно на маленький трехэтажный домик их института за бетонным забором. Ирина заглянула в дверь, быстро проговорила:

– Слушай, у нас тут – надолго. Потом договорим. Хоро-

шо?

Борька был в своей лаборатории один. Увидел в дверях Олега и закричал:

– А-а! Ты! Заходи!

Олег уселся на старый ободранный стул и спросил:

– Ну, и чего поймал?

– Это – потом! Сейчас – о нашем деле!

– У тебя тут дышать нечем. – Олег кивнул на окно. – Открой хоть форточку.

– Много свежего воздуха – тоже вредно. – Борьке было не до этого. – Всего надо в меру. Человек должен жить в собственной атмосфере, как всякая планета. Я все обдумал. Правда, ты молодец, что это предложил. Надо жидкость пузырить излучением, а потом измерять. Я проверил в одном ленинградском НИИ. Они что-то подобное пытались сделать для подводной лодки. Но с излучением ничего поделаться не смогли.

– Надо сначала до кипения доводить, – сказал Олег. – Тогда небольшое излучение понадобится.

– Что? – заорал Борька. – Украл! Хи-и! Я это на рыбалке придумал! А ты никому ничего не ляпнул?

– Я сегодня утром об этом подумал.

– А я – позавчерась! Позавчерась! – Борька поднял руку, будто погрозил указательным пальцем.

– Но возни будет много. Излучение должно быть направ-

ленным. Почти в одну точку. И в лаборатории надо будет защитное оборудование ставить. А то в кого попадет – кровь запустится.

– Я об этом не подумал. – От удивления Борька даже выпятил нижнюю губу.

Среди ночи Олег проснулся от сильной капли. Вышел в коридор, включил свет и увидел на полу кухни большую лужу. Этажом выше жили новые соседи. Олег долго звонил в их дверь, но ему никто не открыл. На следующем этаже заspanный толстяк недовольно буркнул, что у него в квартире не течет. Пришлось бежать в ЖЭК и будить дежурную.

Приехала аварийная бригада. Сантехник в спецовке и кепке открыл дверцу за сливным бачком и подставил руку под капли. Понюхал пальцы и задумчиво произнес:

– Н-да, не похоже, вроде бы на канализацию.

– Ну-ка, я! – Второй сантехник тоже подставил руку под капель и, поразмыслив, подтвердил: – Не похоже. Пошли в подвал воду перекрывать.

Утром Олег столкнулся на лестничной клетке с соседкой и стал объяснять, почему нет воды. Женщина охала, то ли по поводу залитой квартиры, то ли из-за того, что воды долго не будет.

По лестнице медленно спускалась важная пожилая дама. Грозно посмотрела на Олега и объявила:

– Это я живу в квартире над вами! И как вы только сме-

ете! Как вы смеете распускать про меня сплетни, что я дома не ночую! Я была дома! Возможно, выходила за газетой. Возможно!

Во дворе у гаражей стоял Пашка и разговаривал с маленькой старушкой.

– Привет! – крикнул Пашка. – Ну, чего? Ездил? – Подразумевалось, ездил ли Олег в этом году на рыбалку.

– Не успел. Может быть позже, в сентябре.

– А я пару раз сгонял, – говорил Пашка. – На Волге был. Однако гаденыша на блесенку зацепил. Килограмма на полтора! А тебе не нужно чего для рыбалки? – Он показал на сгорбленную старушку.

– Вот, продаю. – Она держала в руках кирзовые сапоги и плащ-палатку. – От мужа осталось, а сыну не надо.

– Плащ я у тебя, бабка, возьму. – Пашка пощупал материю. – Не должен промокать. И шлем вот этот, танкистский. Хорошая штука для зимней рыбалки. Никакой ветер не продует. – Он нацепил шлем на голову.

Олег ответил, что ему ничего не надо. Старушка расстроено говорила:

– Муж берёг, а сыну не нужно. Он не ездит никуда. И сожительницы у него такие непутевые. И одна, и вторая. Чуть что – в милицию его. И сразу недели на две.

Была суббота. Улицы казались пустыми. Олег доехал на троллейбусе до Белорусского вокзала и пошел по улице Горького вниз, к центру. На площади Маяковского возле памят-

ника стоял раскладной столик, и несколько человек собирали подписи под каким-то открытым письмом. Пригревало солнце. Олег подошел к столику, стал читать разложенные листки, но так и не понял, против кого и чего предлагалось подписаться.

На Пушкинской возле здания редакции собралась толпа с плакатами. К вывешенным на стендах свежим газетам было не протолкнуться. Громко спорили невысокая женщина и средних лет мужчина.

– А зачем нам армия? – почти кричал мужчина. – Зачем столько денег тратить? Ну, кто на нас нападать собирается? Кто?

Чуть дальше в толпе слышался нервный женский голос:

– Никогда они ничего не сделают для народа! Разве они захотят нам зарплаты до европейского уровня довести?

В сквере за памятником Пушкину начался митинг. На ступенях появился человек с мегафоном и объявил:

– Слово предоставляется Председателю комитета гражданских прав Григорию Эдуардовичу Пискунову.

– Господа! – выкрикнул оратор под неутихающие аплодисменты публики. – Нынешний партократический режим продемонстрировал свое полное нежелание выполнять требования народа. Власть не хочет проводить крупномасштабные экономические реформы, способные поднять уровень жизни населения. Сейчас только демократически мыслящие деятели способны решить эти задачи!

Следующей выступала полная дама в очках.

– Главное – это нейтрализовать врагов демократии! – кричала дама. – Все эти партийные боссы только и видят... – Дама потрясла в воздухе кулаком, но забыла уточнить, что именно боссы видели.

В середине августа институт опустел. Даже буфет закрыли и из всей охраны оставили только одного вахтера на проходной.

Ворота во дворе противно заскрипели. Олег приподнялся в кресле, увидел, как на улицу выезжает машина директора и подумал: «Вот и шеф на дачу смотался».

Позвонила Ирина:

– Слушай, я ничего не понимаю. Что это за заявления? И куда Горбачев подевался?

– Как куда подевался? – не понял Олег.

– Ты радио слушаешь? Включай. Я тебе потом перезвоню.

Диктор ровным и бодрым голосом дочитал одно обращение и принялся за другое.

Раздался телефонный звонок. Ирина спросила:

– Ну и чего?

– Насколько я понимаю, это – переворот, – ответил Олег.

– А чего делать?

– Понятия не имею.

– А у нас говорят: может хоть порядка больше будет.

– Хрен его знает! – чистосердечно признался Олег.

– А знаешь, что войска в Москву входят? – спросила Ирина.

– Это брехня, наверное.

– Ну, да! Танки! И что сейчас делать? В банк бежать? В комнату вошел Борька:

– Слышал? Да? А шефа на совещание вызвали.

– Я думал, что он на дачу удрал, – ответил Олег.

– Все так думали! Я уж обрадовался и портфель стал собирать. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Пошли в приемную шефа. Секретарша смотрела телевизор. По одной программе зачитывали обращение, по другой показывали балет.

– А говорят, что в Москву войска входят, – сказал Олег.

– В «Новостях» показывали, – ответила секретарша. – На центральных улицах уже стоят.

В дверь заглянул Веселов.

– Светоч демократии! – обратился к нему Борька. – Что такое на белом свете делается!

– А, разберутся, – отмахнулся Веселов и ушел. Борька перещелкал пультом разные каналы:

– И кто его знает, к чему все это? И как закончится?

В комнате Олега они заварили чай и включили радио. Никаких новых сообщений не было.

– В субботу по городу прогулялся, – рассказал Олег. – Все-таки наша публика немного не в себе.

– А танки в городе? – спросил Борька.

– Тоже бред какой-то...

Олег позвонил Ирине, спросил, есть ли новости.

– Никто ничего толком не знает и понять не может, – раздраженно говорила она. – И брательник мой как сквозь землю провалился. Нигде его нет!

– Уже в партизанах! – предположил Олег.

– Я боюсь, что по другому адресу. А у меня товар на таможне. Все, пока!

Допили чай с пряниками. Послушали по радио очередные «Последние известия».

– Надо выяснить, что обо всем этом думает народ. – Борька стал набирать номер: – Алло! Это что такое? Это – торговая точка? Очень приятно. И как вы там поживаете? Нет ли у вас в продаже шашек? Нет, ни шишек. Слышали: «Шашки наголо!» Вот такие нам и нужны. Жаль, что нет. Хи-и! А события обсуждаете, поди? И какие мысли у коллектива? – Борька продолжал разговор и передавал его Олегу: – Что? Половина коллектива празднует победу над бардаком? А вторая? Скорбит и рвется защищать демократические начала в жизни общества? Нет, не рвется? А что тогда? А, ведет словесные брани и чай гоняет с печеньем. С удвоенным аппетитом. А кто рвется грудью защищать? Евдокия Ефремовна! Вот, здорово! Уже отказывается? Как же так! Говорит, что в подвале отсидится? Да? Зря размечталась! Не отсидится? Что? В люк не пройдет? Хи-и!

Борька положил трубку и сказал:

– Во, как у них здорово в овощном магазине! Говорят: если что, в подвал заберутся.

Во второй половине дня Олег сбежал с работы и поехал в центр города. На Садовом кольце недалеко от Октябрьской площади троллейбус обогнал военную колонну: четыре танка медленно двигались за милицейской машиной с мигалкой. У пресс-центра МИДа стояли танки и бронетранспортер. На броне сидели солдаты. Вокруг толпился народ. Кто-то фотографировал.

Олег вышел из троллейбуса на площади Восстания. В переулке у здания Комитета по радиовещанию тоже стояли танки. Мальчишка-танкист разговаривал с пожилой женщиной:

– Сами ничего не знаем! По тревоге подняли, когда ремонтом занимались – и сюда. Даже переодеться не успели.

На мальчишке был грязный, замасляный комбинезон и старая пилотка без звездочки. На плече висел автомат. Подошел седой мужчина. Сразу закричал:

– В кого стрелять приехали? Стрелять-то в кого? В нас? Мальчишка пожал плечами и отвернулся.

– Чего вы к нему привязались! – громко сказал Олег. – Прислали его, он и стоит. И стрелять ни в кого не думал. Вы сейчас пойдете домой обедать и дальше возмущаться, а ему тут стоять.

Олег вернулся на Садовое кольцо, перешел на другую сторону и свернул в переулок. У здания Верховного Совета сто-

яли несколько бронетранспортеров. Вокруг толпились люди. Разговаривали с солдатами и норовили залезть и посидеть на броне. Ближе к стадиону «Красная Пресня» собрались две-три группки и бурно обсуждали события. Женщина расклеивала листовки на столбах.

На следующий день было все то же. По всем телеканалам зачитывали официальные сообщения, крутили старое кино и концерты классической музыки. Не происходило ничего.

С утра Олегу не работалось. Каждый час волей-неволей включал радио и выслушивал старые сообщения. Пришел Веселов, равнодушно сказал:

– Мне двоюродный брат из Риги звонил. У них там праздник. Все друг друга поздравляют.

После обеда на работе появился Борька. Посмотрел на Олега взглядом старого заговорщика и тихо сообщил:

– Все у Верховного Совета собираются. И депутаты там, и Ельцин у них спрятался. Ночью будет штурм. Представляешь, что может случиться? Пойдешь туда?

– Не знаю, – ответил Олег. – Не нравится мне все это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.